
ГОСУДАРСТВО И ПРАВО В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

1 /2017

научно-практический журнал

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

ВЕТРИЛА Е.В.

Право на защиту в уголовно-процессуальном законодательстве России:
исторический очерк..... 4

ПИЩУЛИНА А.Р.

Особенности законодательного реформирования системы
образования в 60-х годах XIX века при министре народного
просвещения Российской империи Головине А.В..... 10

БЕЛЬСКАЯ И.В.

К вопросу роли народов Кавказа в Государственной думе 1906-1917 гг..... 14

ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

ТИТКОВ В.И.

Онтология судейского усмотрения..... 18

КУШНАРЕНКО И.А., МАЛАРАЕВА Ю.М.

Методологические подходы к исследованию
права граждан на честь и достоинство..... 24

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО
В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ
ISSN 2619-0508

Главный редактор
А.В. ДРУЖИНИНА

Компьютерная верстка
С.К. Вейкуть

Технический редактор
Н.А. Разливинская

Корректор
И.Ю. Якунина

Адрес редакции:
Россия, 119017, г. Москва,
ул. Малая Ордынка, 7,
e-mail: nauka@unrio.ru

Подписано в печать
12.05.2017 года
Усл. п.л. 11. Тираж 500 экз.
Отпечатано в типографии
Московского
инновационного университета
Заказ № 4

© Московский инновационный
университет, 2017

www.pravo-miu.ru

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

ЧЕСНЫХ И.И.

Перспективы развития отношений Европейского суда
по правам человека и Российской Федерации.....32

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

ШОТКИНОВ С.А.

Некоторые аспекты криминогенного
воздействия СМИ на преступность.....36

КОЛБАЯ М.Б.

Квалифицированное убийство
по законодательству Абхазии (кровная месть).....42

СПЛАВСКАЯ Н.В.

Квалификация преступлений:
проблемы теории и практики.....47

АННОТАЦИИ.....52

ОБ АВТОРАХ.....61

CONTENTS

HISTORY OF STATE AND LAW

VETRILA E.V. The right to defense in the criminal procedure legislation of Russia: historical sketch. Pp. 4-9

PISHCHULINA A.R. Peculiarities of legislative reforming of the educational system in the 60s of the XIX century under the Minister of the people's education of the Russian empire Golovin A.V.. Pp. 10-13

BELSKAYA I.V. On the issue of the role of the peoples of the Caucasus in the State Duma in 1906-1917. Pp. 14-17

THEORY OF STATE AND LAW

TITKOV V.I. The ontology of judicial discretion. Pp. 18-24

KUSHNARENKO I.A., MALARAEVA Y.M. Methodological approaches to the study of citizens' right to honor and dignity. Pp. 24-31

INTERNATIONAL LAW

CHESNYKH I.I. Prospects for the development of relations between the European court of human rights and the Russian Federation. Pp. 32-35

CRIMINAL LAW

SHOTKINOV S.A. Some aspects of criminogenic impact of the media on crime. Pp. 36-41

KOLBAYA M.B. Qualified murder in the legislation of Abkhazia (vendetta). Pp. 42-47

SPLAVSKAYA N.V. Qualification of crimes: problems of theory and practice. Pp. 47-51

SUMMARY. Pp. 52-60

OUR AUTHORS. Pp. 61-62

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Ветрила Е.В.

ПРАВО НА ЗАЩИТУ В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИИ: ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

Более полутора десятилетия тому назад в Российской Федерации был принят уголовно-процессуальный кодекс. Не смотря на то, что уголовно-процессуальное законодательство пополнилось несколькими новыми институтами, в определенной степени изменилась система стадий и их содержание, однако в целом, большинство положений УПК РФ перешли из советского законодательства и претерпели лишь небольшие изменения. Одним из постулатов уголовно-процессуального законодательства выступает право на защиту.

Право обвиняемого на защиту было предусмотрено еще в первых законодательных актах Советской России, а затем СССР, но проблемы его реализации неоднократно обсуждались учеными и практиками на страницах специализированных изданий. Сегодня многие вопросы реализации права на защиту активно обсуждаются на страницах периодических изданий, вносятся предложения по коренному изменению законодательства в данной сфере. Однако, многие ученые, обосновывая свои тезисы, не учитывают то, что уже многие десятилетия тому назад подобные предложения высказывались и были отклонены не столько из идеологических соображений, сколько в связи с противоречивостью общей теории права и природе уголовного процесса. В связи с этим, изучение и анализ мнений и обоснований ученых советского периода по многим вопросам представляет значительный научный интерес для современных исследователей. Безусловно, в современных исследованиях достаточно часто приводятся позиции советских процессуалистов, однако, зачастую, это одни и те же многократно обсуждаемые тезисы одних и тех же ученых. В то же время, на страницах специализированных изданий советского периода апробировались результаты исследований многих других теоретиков и практиков уголовного процесса, которые могут представлять научный интерес и сегодня.

Одним из важных можно отметить вопрос о постепенном расширении толкования права на защиту как права на юридическую помощь. Изначально право

пользоваться услугами защитника ограничивалось лишь судебными стадиями, поскольку предполагалось, что именно в суде возможно наличие сторон и, соответственно, состязательность. Однако, постепенное расширение толкования права на защиту в научных исследованиях привело к тому, что правом пользоваться услугами защитника могли обвиняемые с момента предъявления обвинения, затем уже и подозреваемые с момента задержания, и в настоящее время, уже УПК РФ предусматривает право свидетеля явиться на допрос с адвокатом. Так, по данному вопросу И. Голяков еще в 1951 году отмечал: «Возможность использования на суде помощи юридически грамотного человека, каким является адвокат, явилась большим шагом вперед в защите личности от несправедливого обвинения. Не легко подсудимому лично защищаться и тогда, когда дело построено на противоречивых доказательствах, тенденциозных показаниях свидетелей» [5, с.25]. Подобных тезисов высказывалось достаточно, и позднее уже отстаивалась позиция, согласно которой следовало расширить и само понятие «подозреваемый», наделяя лиц, в отношении которых имеются данные об их причастности к преступлению, но нет оснований для предоставления им статуса подозреваемого, правом на защиту. Таким образом, можно говорить о своеобразной эволюции права на защиту в уголовно-процессуальном законодательстве РСФСР и РФ.

В теории уголовно-процессуального права достаточно активно дискутировался вопрос о задачах защитника.

Еще больший интерес представляют рассуждения ученых о задачах защитника в уголовном судопроизводстве. Если на сегодняшний день все чаще речь о задачах защитника сводится к перечислению его полномочий, предусмотренных УПК РФ, то в 1983 году А. Парфенов и В. Власов отметили, что «непосредственная задача адвоката на предварительном следствии – выявить неполноту в исследовании обстоятельств, опровергающих предъявленное обвинение или смягчающих ответственность привлеченного, предупредить возможные и вскрыть имеющиеся нарушения его прав, законных интересов, добиться выполнения пробелов, устранения дефектов в расследовании, содействуя тем самым, установлению объективной истины по уголовному делу» [10, с. 9]. Адвокаты принимают меры по сохранности имущества лиц, заключенных под стражу.

Е. Малев и И. Быховский отмечали, что адвокат, участвуя в следственных действиях, содействует установлению нормальной психологической обстановки. Участие адвоката при производстве очных ставок, допросов свидетелей, проведении других следственных действий укрепляет у всех участников процесса мнение об объективности предварительного расследования, законности проводимых следственных действий [8, с. 23].

Думается, что в представлениях этих и других советских процессуалистов достаточно полно представлены задачи, которые, действительно, должны быть присущи адвокатам-защитникам. И именно основываясь на этих задачах, возможно сформулировать наиболее полный перечень его полномочий в уголовном судопроизводстве.

Достаточно аргументированными представляются точки зрения ученых

относительно возможности наделения защитника полномочиями по собиранию доказательств. Вопрос об участии защитника в доказывании ведется с 60-х годов XX века [14]. Против расширения полномочий защитника в сфере доказывания выступал и В. Гольдинер, делая вывод, что «одни авторы полагают, что бремя доказывания лежит только на обвинителе и никогда не переходит на обвиняемого и его защитника. Другие, соглашаясь с тем, что обвиняемый, действительно, не несет обязанностей по доказыванию в процессе, утверждают, что эта привилегия обвиняемого не распространяется на защитника: адвокат не может быть освобожден от доказывания выдвигаемых им положений. Сопоставление аргументов, приводимых для подкрепления того и другого мнения, позволяет сделать вывод, что спор в значительной степени основан на недоразумении, поскольку связан с неточным толкованием и употреблением понятия доказывания вообще и бремени доказывания в частности» [4, с. 17].

Автор подчеркнул, что наделение защитника правами собирания доказательств характерно для сугубо состязательного процесса в его чистом виде, что связано с иском его характером [4]. Каждая из сторон, участвующих в процессе, обязана доказать свои утверждения, а суд является как бы беспристрастным арбитром, решающим спор на основании тех доказательств, которые представлены каждой из них. При этом автор акцентировал внимание на том, что сторона защиты именно обязана собирать и представлять доказательства в суде. Такая концепция прямо противоречит принципу презумпции невиновности в его понимании отечественными процессуалистами.

Вполне приемлемым в современных условиях видится и такое суждение ученого, что «обязанность собирания доказательств вины обвиняемого и их представления суду лежат на обвинителе. Подсудимый, отрицающий свою вину, ничего не должен доказывать. Но если он выдвигает какое-либо утверждение, опровергающее обвинение, то бремя доказывания приведенных фактов перемещается на него. Он должен подтвердить данные утверждения доказательствами» [4, с. 18]. В связи с этим автор подчеркивает, что данная концепция противоречит пониманию бремени доказывания, которое не может быть возложено на обвиняемого и, соответственно, его защитника.

В то же время автор отметил, что «процессуальная функция адвоката в уголовном процессе – оказание юридической помощи обвиняемому и защита его интересов всеми предусмотренными законом способами и средствами. Отсюда вытекает обязанность защитника принимать активное участие в исследовании доказательств для выяснения обстоятельств, оправдывающих обвиняемого или смягчающих его ответственность. Защитник в отличие от подсудимого не может ограничиться голословным отрицанием обвинения в целом или хотя бы даже отдельных его фактов, если он считает их неправильными. Обоснование своих выводов и утверждений – его безусловная обязанность. Это положение абсолютно бесспорно и никогда никем не подвергалось сомнению. Поэтому встречающиеся у ряда процессуалистов утверждения о том, что защитник не должен быть пассивным в процессе, что его участие в исследовании доказательств не должно быть только

негативным, что он не может ограничиваться голословными заявлениями, а должен обосновать выдвигаемые им положения, представляют собой азбучную истину, не имеющую отношения к бремени доказывания и его определению» [4, с. 8].

Ни органы расследования, ни суд не могут обязать защитника подкрепить его утверждения о наличии доказательств, опровергающих или смягчающих обвинение, представлением этих доказательств. Защитнику, как и обвиняемому, достаточно сослаться на наличие таких данных, которые могут быть установлены путем допроса свидетелей, затребования документов и т.д. Органы расследования и суд обязаны истребовать эти доказательства (а в случае надобности принять меры к их обнаружению), проверить обстоятельства, на которые сослался защитник, и дать им оценку, либо признать их или мотивированно отвергнуть. Пока какое-либо существенное для дела обстоятельство, оправдывающее обвиняемого или смягчающее его ответственность, не проверено и не опровергнуто, обвинение нельзя считать доказанным.

В 1970 году А. Бойков и Л. Карнеева также привели аргументы против наделяния защитника правом собирать доказательства. При этом следует обратить внимание, что авторы не пишут об идеологических запретах, а основываются исключительно на общетеоретических аспектах. Авторы, в частности, отметили, что «самостоятельная деятельность защитника по расследованию обстоятельств преступления нежелательна, прежде всего, с точки зрения интересов правосудия, ибо она приведет к усложнению оценки доказательств, собранных заинтересованным лицом в условиях, исключающих обычный процессуальный контроль за объективностью результатов следственных действий. Не отвечает это интересам обвиняемого, ибо приведет к резкому удорожанию услуг защитника, так и к невольному усилению обвинительной функции следователя» [1, с. 19].

И только в начале 90-х годов, в период отрицания всего прошлого научного и практического опыта, все активнее стала отстаиваться точка зрения относительно расширения полномочий защитника в сфере доказывания. Н. Горя отмечал, что «реальность защиты предполагает предоставление возможности осуществить эту функцию на основе закона, в котором следует предусмотреть дополнительные гарантии личных прав и интересов обвиняемого. Для этого защитнику следует предоставить право проводить следственные и иные процессуальные действия» [6, с. 22]. Однако, автор, как и многие исследователи сегодняшнего дня, не принял во внимание возможные последствия для всего процесса доказывания.

Также полезными и вполне современными представляются и рассуждения советских ученых относительно правил осуществления защиты при противоречивых интересах нескольких подзащитных. Этот вопрос остается дискуссионным и сегодня. Так, Е.И. Мартынич в 1981 году: «Один из способов гарантирования права подсудимому на защиту состоит в обеспечении возможности пользоваться юридической помощью квалифицированного специалиста. Реально же воспользоваться этой возможностью подсудимый не сможет, если его интересы, а также интересы других подсудимых противоречивы и защищает их один и тот же адвокат. В таких случаях ущемляется право подсудимого на защиту, а приговор

считается незаконным и подлежит отмене в связи с существенным нарушением уголовно-процессуального закона (ст. 345 УПК РСФСР)» [9, с. 12].

Особое внимание автор уделял участию защитника в процессуальных действиях в случае выявления коллизий в интересах двух и более подсудимых, защиту которых он принял на себя. Здесь, прежде всего, ученый предлагал обратить внимание на то, что характер действий адвоката в таких ситуациях определяется тем, на каком этапе судопроизводства ему стало известно о противоречиях в интересах защищаемых им подсудимых. Адвокату может стать известно об этом уже в момент заключения договора об осуществлении защиты либо при изучении материалов уголовного дела после придания суду обвиняемого, либо в процессе судебного следствия. При этом, Е. Мартыничик в своих выводах категорически подчеркнул, что независимо от того, когда обнаружены противоречия, адвокат не вправе умолчать о них, ибо это было бы нарушением его профессиональных обязанностей и нравственного долга [9, с.12].

О данной проблеме писал и Ю. Стецовский, обозначая, что наличие одного защитника у двух обвиняемых, интересы которых противоречивы, равносильно его отсутствию, поэтому обвинительный приговор подлежит безусловной отмене [13].

А. Кафтасьева и Л. Винокурова также обращались к данной теме. Авторы писали: «Встречались факты, когда защитник освобождался от защиты одного подсудимого и продолжал выполнять свои функции в отношении другого. Это влекло нарушение равенства прав участников судебного разбирательства (ст. 245 УПК РСФСР). В соответствии со ст. 67-1 УПК защитник при наличии указанных в ст. 47 УПК оснований подлежит освобождению от участия в деле в целом, а не только в отношении одного из обвиняемых. Таким образом, обеспечивается равенство прав подсудимых, интересы которых находятся в противоречии» [7, с. 22].

При этом все ученые и практики были едины в том, что наличие противоречий в позициях подзащитных является безусловным основанием для отвода защитника. Учет изложенных обстоятельств, исключающих участие в деле защитника, при решении вопроса об отводе, по мнению А. Кафтасьевой и Л. Винокуровой, обеспечивает всестороннее, полное и объективное исследование материалов уголовного дела [7, с. 22].

Таким образом, даже краткий обзор мнений и обоснований отдельных советских процессуалистов позволяет сделать вывод о важности обращения к работам предшественников. Глубокое теоретическое обоснование и богатый практический опыт помогают более полно понять те изменения, которые претерпело уголовно-процессуальное законодательство России и выявить основные тенденции его развития в будущем [11; 12]. Ограниченный объем работы не позволяет осветить все важные аспекты участия защитника в уголовном судопроизводстве и работы, посвященные их исследованию, но создает перспективы дальнейшего анализа [2; 3].

ЛИТЕРАТУРА

1. Бойков А., Карнеева Л. Об участии защитника на предварительном следствии // Советская юстиция. 1970. №18. С.19-20.
2. Ветрила Е.В. Полномочия защитника в уголовном процессе России / В сборнике: ЛУЧШАЯ НАУЧНАЯ СТАТЬЯ 2016 сборник статей III Международного научно-практического конкурса. Пенза, 2016. С. 88-91.
3. Ветрила Е.В. Актуальные проблемы обеспечения права на защиту в уголовном процессе России на современном этапе // Государство и право в XXI веке. 2016. № 2. С. 54-61.
4. Гольдинер В. Процесс доказывания и обязанности защиты // Советская юстиция. 1968. №11. С.17-18.
5. Голяков И. Право обвиняемого на защиту в советском суде // Социалистическая законность. 1951. №12. С.24-30.
6. Горя Н. Принцип состязательности и функции защиты в уголовном процессе // Советская юстиция. 1990. №7. С.22-23.
7. Кафтасьева А., Винокурова Л. Отвод защитника // Советская юстиция. 1984. №10. С.22.
8. Малев Е., Быховский И. Участие защитника в производстве следственных действий // Советская юстиция. 1973. №18. С. 23-24.
9. Мартынчик Е. Противоречивость интересов подсудимых и обеспечение права на защиту // Советская юстиция. 1981. №2. С.12-13.
10. Парфенов А., Власов В. Адвокат на предварительном следствии // Советская юстиция. 1983. №18. С. 9.
11. Сплавская Н.В. К вопросу об эффективности действия российского уголовного законодательства // Государство и право в XXI веке. 2017. № 1. С. 40-44.
12. Сплавская Н.В. Система уголовного законодательства российской федерации: оценка современного состояния // В сборнике: Законность в современном обществе: сборник статей международной научно-практической конференции. 2016. С. 147-150.
13. Стецовский Ю. Обстоятельства, исключающие участие лица в качестве защитника // Советская юстиция. 1986. №12. С.10-11.
14. Цубин А. Правосудие и адвокатура // Советская юстиция. 1969. №8. С. 19-20.

Пищулина А.Р.

**ОСОБЕННОСТИ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО
РЕФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ
В 60-Х ГОДАХ XIX ВЕКА ПРИ МИНИСТРЕ НАРОДНОГО
ПРОСВЕЩЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ГОЛОВИНЕ А.В.**

Вторая половина XIX века в Российской империи ознаменовалась множеством реформ в политической, экономической и культурной сферах, что являлось основанием для формирования индивидуально-гражданского типа права и государства [2]. Одной из важнейших из них была Крестьянская реформа 1961 года, которая оказала огромное влияние на развитие страны [4]. И хотя реформа получилась не такой, какой ожидали ее увидеть, она имела огромное историческое и нравственное значение, открыв перед Россией новые перспективы, покончившие с крепостным рабством. С этого времени страна уверенно вступила на путь капиталистического развития [3].

Служебная карьера Александра Васильевича Головнина в полной мере отражает изменения во внутренней политике Александра II, который был Министром народного просвещения с 25 декабря 1861 [6 января 1862] по 14 [26] апреля 1866.

Характерной чертой деятельности Министерства под управлением А. В. Головнина была широкая гласность, привлекавшая образованное общество к всестороннему обсуждению важнейших преобразований по народному просвещению. По распоряжению министра помещались в Журнал Министерства и печатались отдельными книгами и брошюрами: выдержки из отчетов попечителей учебных округов и ревизоров о состоянии учебных заведений, проекты и предположения по учебной части, официальные и частные мнения и отзывы о них, сборники различных материалов, обзоры занятий совещательных органов Министерства. В это же время, в 1864 г. начато издание «Сборника Постановлений» и «Сборника распоряжений по Министерству Народного Просвещения», заключающих в себе богатый материал по истории просвещения в России в XIX веке. [9]

Из всех преобразований, руководимых А. В. Головниным, он успел провести в законодательном порядке наиболее важные: реформу центрального управления Министерства и цензуры, университетский устав 1863 г., устав гимназий 1864 г., положение о начальных народных училищах 1864 г., уставы и штаты некоторых ученых учреждений. [9]

Отличительной чертой принятия реформ было то, что впервые законоположения предъявлялись на суд педагогической общественности, выносились на обсуждение в периодической печати, замечания и предложения находили свое отражение в итоговых нормативных правовых документах. [1]

Важным нормативным правовым актом стало «Положение о начальных народных училищах» от 19 июля 1864 г., которое устранило государственно-церковную монополию на просвещение.

В статье 2 этого документа закреплены виды образовательных организаций, относящихся к народным училищам: «1) ведомства Министерства народного просвещения: а) приходские училища в городах, посадах и селах, содержимые на счет местных обществ и частью на счет казны и пожертвований частных лиц, и б) народные училища, учреждаемые и содержимые частными лицами разного звания. 2) Ведомства Министерств государственных имуществ, Внутренних дел, Удельного, Горного: сельские училища разных наименований, содержимые на счет общественных сумм. 3) Ведомства духовного: церковноприходские училища, открываемые православным духовенством в городах, посадах и селах, с пособием и без пособия казны, местных обществ и частных лиц. 4) Все вообще воскресные школы, учреждаемые как правительством, так и обществами городскими и сельскими и частными лицами для образования лиц ремесленного и рабочего сословий обоюбого пола, не имеющих возможности пользоваться учением ежедневно» [7]

В Положении прописаны предметы учебного курса начальных народных училищ: «а) закон божий (краткий катехизис и священная история); б) чтение по книгам гражданской и церковной печати; в) письмо; г) первые четыре действия арифметики, и д) церковное пение там, где преподавание его будет возможно» [8]. Наряду с мужским средним образованием развилась система женских гимназий. 10 мая 1860 года было утверждено «Положение о женских училищах ведомства Министерства Народного Просвещения». Согласно этому Положению принимались в женские училища девочки всех сословий, а сами училища делились на два разряда: в первом срок обучения составлял 6 лет, во втором – 3 года. Они подготавливали женщину к роли жены и матери, и, в отличие от мужских, не ставили целью подготовку к общественной деятельности.

18 июня 1863 года император Александр II именным указом утвердил новый Общий устав императорских российских университетов.

В 1862 и 1863 г. г. до утверждения нового устава были приняты по университетам следующие общие меры: 20 января 1862 г.—о разрешении студентам медицинских факультетов переходить на другие факультеты, с разрешения ближайшего начальства; 14 июля 1862 г. учреждены на счет Министерства стипендии для лучших из бывших студентов закрытого С.-Петербургского университета, имеющие быть переданными по выбытии их в распоряжение советов разных университетов; 11 августа 1862 г. разрешено производить ректорам университетов добавочное жалованье по 1.000 р.; 6 сентября 1862 г. учреждены в 5 университетах по 4 стипендии имени Свв. Кирилла и Мефодия, преимущественно для занимающихся славянской филологией; 8 апреля 1863 г. обращено внимание попечителей на необходимость строгих испытаний при кандидатских экзаменах. [3]

В то же время была проведена реорганизация Министерства народного просвещения, закрепленная «Учреждением Министерства народного просвещения». Была изменена структура Министерства, в результате чего штат ведомства

сократился с 194 человек (в 1862 году) до 42 человек. Предполагалось, что после сокращения Министерство будет вынуждено более активно привлекать для решения проблем управления народным просвещением руководителей научных и учебных заведений, авторитетных профессоров и чиновников местных органов управления просвещением. [10]

За этими основными реформами 1863 и 1864 г.г. должен был последовать ряд преобразований и улучшений, касавшихся: лицеев, ветеринарных училищ, уездных училищ, женских, еврейских, частных учебных заведений, домашних наставников, некоторых ученых учреждений и разных специальных вопросов по учебному ведомству. Планы и предположения А. В. Головнина на будущее время были изложены и мотивированы в «Обзоре деятельности Министерства в 1862 — 1864 г.г.» и во всеподданнейшем докладе министра 7 сентября 1865 г. Этот обзор и доклад Замечания комиссии, указывавшей главным образом на необходимость большей осторожности и экономии материальных средств в исполнении широких планов, начертанных министром, были представлены на Высочайшее воззрение в конце мая 1866 г., когда А. В. Головнин уже оставил пост министра. Найдя замечания комиссии весьма основательными, Государь повелел передать их для соображений новому министру, графу Толстому. Со своей стороны А. В. Головнин представил обширное письменное объяснение на замечания комиссии.

14 апреля 1866 г. А. В. Головнин был уволен от должности министра, с сохранением званий члена Государственного Совета и статс-секретаря. Причиной отставки А. В. Головнина было следствие, произведенное особой комиссией под председательством графа М. Н. Муравьева по делу о покушении 4 апреля 1866 г. на жизнь Государя Императора и раскрывшее факт распространения среди учащейся молодежи разрушительных революционных учений. Рескрипт 13 мая 1866 г. на имя председателя Комитета Министров князя Гагарина возвестил Высочайшую волю, чтобы деятельность Министерства Народного Просвещения руководилась отныне по преимуществу охранительными началами христианской религии и существующего государственного строя. Оставив пост министра, А. В. Головнин в следующие годы жизни, по званию члена Государственного Совета, принимал участие в разрешении некоторых важных государственных вопросов.

Реформы в сфере образования, как и все законодательство «Великих реформ», проводились для становления индивидуально-гражданских прав человека [5].

ЛИТЕРАТУРА

1. Дружинина А.В. Эволюция юридического статуса подданного Российской Империи (1762-1906 гг.) / Монография / А. В. Дружинина; М-во образования Российской Федерации, Федеральное агентство по образованию, Сочинский гос. ун-т туризма и курортного дела. Сочи, 2007.
2. Дружинина А.В. Некоторые аспекты становления и развития индивидуально-гражданского типа права и государства в России // Государство и право в XXI веке. 2015. № 2.
3. Дружинина А.В. Правовое положение российских подданных в Российской империи в XIX веке. Монография. Сочи, 2013.
4. Дружинина А.В. Правовое положение российских подданных в середине XIX века // Государство и право в XXI веке. 2015. № 1.
5. Дружинина А.В. Становление и развитие индивидуально-гражданского типа права и государства в России. Монография. Сочи, 2014.
6. Пищулина А.Р. Некоторые аспекты реформирования системы начального и среднего образования в 60-х годах XIX века. Вестник научных конференций. 2015. № 3-1 (3).
7. Пищулина А.Р. Предпосылки и процесс утверждения общего устава императорских российских университетов от 18 июня 1863 г // Государство и право в XXI веке. 2016. № 1.
8. Пищулина А.Р. Предпосылки расширения политических прав и свобод подданных Российской империи и их отражение в актах конституционного значения 1906 // Государство и право в XXI веке. 2015. № 2.
9. Рождественский С. В. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения, 1802-1902. СПб. : М-во нар. просвещения, 1902.
10. Яковкина Н.И. История русской культуры XIX века, 2-е изд., стер. - СПб.: Лань, 2002.

Бельская И.В.

К ВОПРОСУ РОЛИ НАРОДОВ КAVKAZA В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ 1906-1917 ГГ.

Насыщенная многими важными событиями история России сегодня располагает к размышлениям. Крушение прежних политических порядков вынуждает ныне, при поисках ориентации на будущее, оглядываться назад, в прошлое. Пристальное внимание к эволюции политического устройства, несомненно, должно помочь в поисках наиболее оптимальной модели современного общества.

Несмотря на огромные общественно-экономические и временные различия, начало XX в. имеет целый ряд схожих черт с современностью. Вновь перед страной стоит проблема модернизации политической системы [4]. Преодоление кризисных явлений, построение нового общества в значительной степени будут определяться самобытной традицией, коллективной ментальностью и исторической памятью.

Многонациональный состав российского государства, уникальное разнообразие социально-экономических, культурных, экологических и др. условий жизни, связанных как с грамотностью территории страны, так и с самобытным историческим путем развития народов на обширном евразийском пространстве, придают особое значение разработке национальных проблем. В России на протяжении последнего столетия эти проблемы находились в центре внимания сменявших друг друга режимов. Предельной остроты национальный вопрос достигал, как правило, в наиболее критические моменты российской истории, когда происходило крушение той или иной власти. Так, крах самодержавия в феврале 1917 г. вызвал цепную реакцию распада единой и неделимой Российской империи. Ликвидация социалистической системы в начале 90-х годов привело к распаду СССР. Последние события наглядно продемонстрировали, что оптимальное решение национального вопроса является необходимым элементом стабильности в государстве.

Ныне в России усиливается борьба за выбор дальнейшего пути, за форму организации государства, за режим правления. Вновь и вновь встает вопрос о ее государственной целостности. На наших глазах происходят межнациональные становления, иногда приобретающие характер вооруженных конфликтов. Подобные проблемы были характерны для страны и в начале XX столетия, когда под воздействием революционных событий 1905-1907 гг. самодержавие вынуждено было пойти на значительную трансформацию общественно-политического

устройства государства [5].

Недооценка национального фактора, характерная и для нашего времени, в начале столетия проявилась в том, что проблемы, связанные с национальным вопросом, как правило, не значились в повестках высшего представительного органа Российской империи. Между тем, сама жизнь вынуждала постоянно обращаться к ним. Ни один вопрос в Государственной Думе Российской империи не обсуждался столь заинтересованно и остро, как вопрос национальный.

Для депутатов от национальных окраин было характерно публичное отрицание сепаратистских тенденций в их регионах и заверения в лояльности к российскому государству. Особенно чисто подобные заверения раздавались со стороны мусульманских депутатов, которые были представителями более чем двадцатимиллионное население империи.

При анализе думских дискуссий местного национализма и сепаратизма на Кавказе, явственно просматривается противостояние правых и левых политических партий. Интересно, что правые, обычно поддерживавшие представительство, в данном вопросе занимали позицию более реакционную, чем царские чиновники.

Мощное национально-освободительное движение, охватившее в годы первой Российской революции Кавказ, а также другие регионы, обусловило недоверие правых к способности правительства справиться с ним собственными силами и вызывало их активное вмешательство в сфере национальной политики.

Депутаты от Кавказа, большая часть которых (Гегечкори Е.П., Чхеидзе К.С., Сагателян И.Т., Шовомидзе П.П.), принадлежали к партиям либерального и левого толка, также отрицали, кавказский сепаратизм и объясняли возникающие на Кавказе различные выступления (большой частью среди крестьян) экономическими причинами [3].

В первых числах декабря 1908 г. в Государственной Думе началось обсуждение «Кавказского запроса», продолжавшееся до февраля 1909 г. Правые депутаты, от имени которых он был вынесен, выражали беспокойство по поводу бездействия кавказских властей в то время, когда на Кавказе в угрожающих размерах развивалось революционное движение, выражавшееся в террористических актах, в грабежах и сепаратизме, и требовали замены всей высшей администрации на Кавказе на другую, способную вести «твердый курс».

Возражая против указаний правых депутатов на повышенную преступность на Кавказе, член мусульманской фракции Хас-Мамедов, считал ее следствием бесправного положения закавказского населения. Особенно страдают, от бесправия мусульмане, для изъятий в области образования, частной деятельности, в занятии административных должностей. Перечислением преступлений, существующих для мусульманского населения на Кавказе, Хас-Мамедов доказывал необходимость реформ: введения земских учреждений, преобразований суда, администрации, земельное устройство местного населения.

Нельзя сказать, что права отдельных национальностей отстаивались в Государственной Думе только их представителями. Тем более что некоторые народы Российской империи по избирательному закону 3 июня 1907 г. вообще были ли-

шены этой возможности. Не однажды их права отстаивали либерально настроенные думцы и социал-демократы [1].

При обсуждении доклада Председателем Совета Министров, проходившем в течение нескольких заседаний, 7 декабря 1907 г. кавказские депутаты привлекали внимание членов Государственной Думы к своему краю.

Член Долинахц утюн (партия армянских националистов), И.Т. Сагателян, входивший в Думе во фракцию трудовиков, обрисовал картину свирепствования в Закавказье голода, назвав сумму в 73 тыс. руб. недостаточной для преодоления его последствий. Приведя примеры голодных смертей, он обратился к депутатам с просьбой внести поправку о бедственном положении населения Закавказья.

Продолжая кавказскую тему, социал-демократ Е.П. Гегечкори упрекал правительство в игнорировании проблем кавказских народов, а кавказское местничество – в преднамеренном умалчивании о размерах голода [2].

Отвечая кавказским депутатам, Марков 2-й, принадлежавший к фракции правых, с присущей ему импульсивностью, отрицал наличие голода на Кавказе, а единоличные случаи голодных смертей объяснял тем, что ни семья, ни соседи не оказали нуждавшемуся помощь.

Депутаты Думы от народов Кавказа приводили многочисленные примеры ухудшающегося социально-экономического положения трудящихся, их политического и культурного бесправия, бездарности местной бюрократии, непрекращающихся межнациональных конфликтов. В основе такой ситуации на Кавказе лежало много факторов, и урегулирование ее требовало, как справедливо отмечали депутаты – социал-демократы и кадеты, проведения широкого круга конкретных мер. Имелись в виду рациональное землеустройство и отмена остатков крепостничества, введение широкого самоуправления на местах, в том числе земства, полное удовлетворение культурно-национальных и религиозных запросов у кавказских народов, отмена исключительных положений и чрезвычайных мер в управлении Кавказом. «Кавказское население нельзя ни смести с лица земли, как советует нам депутат Марков, ни управлять им по старой системе», - подчеркивал лидер кадетов П.Н. Милюков. Социал-демократ Н.С. Чхеидзе дополнил и радикализировал идею: «Вы объясняете, что дождь пошел, потому что открыли зонтики», тогда как кавказская администрация – лишь часть российского бюрократического механизма, который весь пора сдать в архив, а коренное решение национальных проблем возможно лишь при смене общественно-политического строя в России [6].

Формирование системы многопартийности и парламентских механизмов в России происходило в обстановке социально-политической нестабильности и во многом именно ею и было вызвано. Поэтому объективно достаточно скромный потенциал компромиссного развития общества, в том числе в национальной сфере, реализовывался крайне редко. Находясь на разных полюсах политического спектра, правые и левые фракции при слабости центра чаще всего не желали идти навстречу друг другу, толкуя общенациональные (общероссийские) интересы прямо противоположно. Это отразилось в оценках думскими фракциями состояния межнациональных отношений, средств их гармонизации и, как правило, закрывало

путь к согласованным действиям членов представительного органа.

Революционные потрясения 1905-1907 Государство и право. Привлекали внимание к Кавказу и в последующие годы. Либералы и представители левых считали, что залогом во избежании новых революционных эксцессов может служить кардинальное реформирование в политической, экономической и социалистических сферах. Их оппоненты из смены правых и националистов передерживались иного мнения и настаивали на сохранении существующих законов для «мятежных окраин», вплоть до их успокоения.

Анализ обсуждения и принятых законов в Государственной Думе по вопросам национальной политики не позволяет однозначно оценить результаты работы высшего представительного органа России в данной области.

С одной стороны, несмотря на все препятствие центральных властей, Государственная Дума, преодолевая порой ожесточенное сопротивление членов правых и консервативных фракций, безусловно, продвинулись вперед (в большей или меньшей мере) в политико-юридической разработке национальных проблем. И не только в разработке, но и в принятии целого ряда законов, которые хотя бы в какой-то мере соответствовали чаяниям угнетенных народов страны и создавали базу для их дальнейшего конституционного разрешения. Заслуга в этом принадлежала оппозиционным фракциям (кадетам, социал-демократам, трудовикам, эсерам), а также национальным группам (Польское поло, мусульманская группа) и отдельным депутатам от национальных меньшинств.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дан Ф.И. Выборы в Государственную Думу по положению 3 июня 1907 г. - СПб., 1912.
2. Кавказские депутаты в третьей Государственной Думе. Баку, 1912.
3. Саидкасимов С.С. Национальный вопрос в программах политических партий России // Кентавр. 1992. № 1.
4. Сплавская Н.В., Саломатин Л.А. Особенности государственно-религиозных отношений в контексте светской модели // Научно-методический электронный журнал Концепт. 2016. Т. 11.
5. Четян М.А. Правовые основы организации и деятельности мировой юстиции в современной России (историко-правовое исследование): диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Коломна, 2003
6. Шелохаев В.В. Национальный вопрос в России: либеральный вариант решения //Кентавр. 1993. № 2.

ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Титков В.И.

ОНТОЛОГИЯ СУДЕЙСКОГО УСМОТРЕНИЯ

Со времён возникновения в обществе правовых отношений, в юридической науке одним из наиболее актуальных вопросов был и остаётся вопрос о значении внутреннего судебного убеждения. Быстрое развитие общественных отношений требует большей гибкости и применяемости юридических норм, поскольку их модернизация всегда запаздывает. Поэтому судьям не всегда удаётся поступать строго в соответствии с имеющимися нормами. По этой причине, в российских нормах и в практике их применения судами, в роли изначальной правовой базы при рассмотрении определённых дел часто применяется свободное судебское усмотрение. Упоминание о данном явлении, ещё более двух столетий назад, оставил русский правовед С. Е. Десницкий. Он полагал, что в случае недостаточности закона, следует судить по справедливости и истине, поскольку ни в одном государстве не представляется возможным заранее предусмотреть всех вариантов возникающих судебных обстоятельств. Поэтому, в таких непредсказуемых случаях, необходимость требует позволить судье судить и разрешать дела на основании справедливости и сознания. А вынужденные отступления судьи от существующих норм, в меру их разумной необходимости, надлежит осторожно узаконить [16].

Значимость судебного усмотрения для принятия решения в конкретном деле становится тем больше, чем больше отсутствует необходимость правовых норм. Эта юридическая проблема имеет много аспектов, она очень сложная для анализа, но исключительно важная для практической реализации правосудия.

В юридическом праве нашего времени до сих пор не сформировалось однозначного взгляда на судебское усмотрение. Исследователи правовой науки трактуют усмотрение судьи как понятие, заключающее в себе практику применения права, судебную свободу, общие судебные полномочия, возможность выбора из нескольких законных вариантов и усмотрение в рамках властных полномочий.

Рассмотрим часть из данных пунктов. Одним из исследователей, тракто-

вавших убеждение как некоторую судебную свободу, однозначно являлся видный представитель отечественной юридической науки И.А. Покровский. Под судебским усмотрением он понимал возможность более вольной трактовки, заполнения и даже корректировки закона соответственно необходимости принятия справедливого решения и собственной совести судьи [12]. Аналогично, Д.М. Чечот трактовал судебское убеждение как возможность судьи свободно выбирать адекватное решение [15].

Излагая точку зрения на судебское усмотрение, П.А. Гук придерживался мнения, что в восприятии смысла и сути усмотрения, появляющегося во время принятия судьёй законно обоснованного решения по определённому делу, в случае его возможности свободного выбора из юридически адекватных вариантов норм, наиболее правильно говорить как раз о свободном усмотрении судьи. Это также взаимосвязано с тем, что восприятие усмотрения в данном значении стимулирует лучшее понимание функции судьи в судебном процессе, так как именно судья имеет свободу выбора в случае допустимости любого открытого для него, с позиции правовой и судебной системы, варианта решения [3].

П.И. Люблинский, изучая парадокс судебского усмотрения, полагал, что для справедливой реализации судебское усмотрение нуждается в принятии специальных юридических норм и множества обязательств, которые будут препятствовать его искажению и недобросовестному использованию. Юридический смысл судебского усмотрения на государственном уровне можно трактовать не только критически и негативно, как определённую дозволенность функционирования общественной структуры с выходом за пределы действия законов, но и позитивно – как возможность свободной осмысленной оценки в реализации имеющихся законных оснований и полномочий, предоставленных этому органу [8]. Однако свобода не подразумевает никаких ограничений. А усмотрение судьи имеет нравственные и юридические пределы, поэтому не является полностью свободным. Суд обязан постановить только одно законно обоснованное решение, в соответствии с задачами и основами юридических норм, адекватное требованиям закона, мотивированное и аргументированное.

По мнению К.И. Комиссарова, судебское усмотрение – это вверенные суду возможности действовать в правовом русле адекватно конкретным обстоятельствам, в соответствии как с общими, так и с конкретными положениями закона [7]. Иначе говоря, при отсутствии прямой нормы закона следует изыскать решение, в наибольшей мере приближающееся к существующей норме. Здесь следует отметить, что усмотрение судьи предполагает волевой аспект – реализуется в виде формы управления правоотношениями. О.А. Папкина трактует судебское усмотрение как процессуально оформленную и юридически предусмотренную деятельность суда в применении права, заключающуюся в выборе приемлемого варианта рассматриваемого вопроса и имеющую как специальные, так и общие ограничения [11].

Часть исследователей придерживаются мнения, что усмотрение судьи – это возможность выбора из нескольких допустимых законом вариантов. Председатель

израильского Верховного суда А. Барак в своей работе рассматривает усмотрение судьи как полномочие, предоставленное судьей законом с целью возможности выбора подходящего варианта из нескольких допустимых законом [1]. Такой подход предполагает не механические действия судьи, а проверку, изучение и взвешенное обдумывание. Собственно усмотрение судьи не представляет из себя ни эмоционального, ни какого-то иного состояния, а скорее является законным условием, позволяющим судье делать некоторый выбор.

Российский исследователь В.И. Телятников в своей работе связывает усмотрение судьи с понятием внутреннего судейского усмотрения, являющегося фиктивной правовой категорией, показывающей личную интеллектуальную деятельность конкретного судьи по реализации правосудия в рамках определённого дела, с целью истинного установления нуждающихся в доказывании обстоятельств. Далее, заключающимся в судебном решении результатам придаётся видимость объективности, распространяющаяся на оценку доказательств, процесс их исследования, условия для юридического обоснования содеянного и оценочное мнение о результатах активности сторон дела по исполнению ими процессуальных действий. В итоге, в процессе разбирательства по делу и вынесения судебного решения, всё это трансформируется в оболочку определённого реального знания относительно обстоятельств данного дела, базирующихся на доказательствах [13].

Некоторые исследователи полагают усмотрение судьи принципиально недопустимым в юридической деятельности, не допускают даже его возможности. Например, авторитетный исследователь Ш. Монтескье, отрицавший правотворческую возможность суда, полагал, что судьи для общества – это лишь уста, озвучивающие нормы закона [9]. По мнению Ф. Бэкона, судья не вправе иметь возможность решать дела вопреки его формальным требованиям. Иначе, в противоположность этому, судья постепенно трансформируется в законодателя и всё станет зависеть от его прихоти [2]. Р. Дворкин полагает, что в простом понимании усмотрения судьи не существует, так как суд не наделён правом свободно выбирать и обязан постановить единственное верное решение [17]. Придерживающиеся данного взгляда авторы делают различие между законом и правом: одного верного решения по определённому делу закон зачастую может и не предусматривать, но в праве данное решение имеется. Не смотря на это, суд обязан взаимодействовать с законом, базироваться на нём и указывать на него при аргументировании выводов по обстоятельствам конкретного дела.

В работах практикующих юристов обоснованно говорится, что судья в современной России должен иметь готовность выступить за рамки формальностей закона, использовать аналогичные правовые нормы, заполняя ими отсутствующие нормы в иных правовых актах и даже единолично корректировать ошибки и пробелы законодателя [6]. Судья должен пользоваться своим убеждением справедливо, честно и разумно.

Сравнительное исследование различных трактовок судейского убеждения даёт возможность найти признаваемые всеми особенности этого понятия. В любом случае, судейское усмотрение неразрывно связано с его исполнителем – судьёй

– лицом особого правового статуса. Судейское усмотрение состоит в некоторой частичной свободе выбирать из нескольких возможных вариантов решений и, во всяком случае, оно лимитировано пределами и правами судебных правомочий.

Из анализа приводимых в литературе точек зрения мы склоняемся к выводу о том, что усмотрение судьи является результатом его аналитического мышления, состоящего в условной свободе выбора из допустимых законных вариантов и назначении вытекающих из этого правовых последствий для реализации в определённом правоотношении, содержащем нравственные и юридические ограничения. Судья делает выбор разрешения правового вопроса исходя из нескольких допустимых вариантов, со своей точки зрения находя наиболее соответствующий законным требованиям, справедливости и разумности.

Здесь следует заметить, что реализация судейского убеждения не запрещена ни одной нормой гражданского процессуального закона и, главным образом, принципом законности, который при применении усмотрения судьи соблюдается неукоснительно, поскольку личное усмотрение судьи приоритетно базируется на применении норм закона.

Статьи 67 ГПК РФ и 17 УПК РФ содержат положения о возможности оценки доказательств судьёй по своему собственному убеждению на основании объективного, всестороннего, полного и непосредственного изучения всех доказательств, собранных для дела, опираясь в этом на совесть и законность. Эти нормы адекватны принципу вольной трактовки судом имеющихся доказательств. В соответствии с данным принципом, судебным доказательством может являться и быть применено всякое возможное для данного обстоятельства и дозволенное законом доказательство, а рассмотрение судьёй любого доказательства происходит с применением судебных знаний, базируясь на собственном внутреннем усмотрении, с учётом выясненных обстоятельств данного дела. Поэтому одно и то же обстоятельство различные судьи могут трактовать по-разному.

Но при постоянной эволюции и трансформациях социальных взаимоотношений, соответственно, правовые взаимоотношения тоже должны изменяться, приспосабливаясь к всё более усложняющимся человеческим взаимоотношениям. Правоотношения, так же как и формы норм закона, не могут быть постоянными. В законодательных положениях некоторую неопределённость можно рассматривать аналогично ценности законных предписаний, позволяющих корректировать социальные отношения адекватно не только закону, но и главное, праву.

В уголовном праве СССР часто демонстративно провозглашалось, что действующая в советском уголовном праве оценка доводов по внутреннему усмотрению судьи коренным образом разнится с аналогичным аспектом уголовного судопроизводства в капиталистических странах. Внутреннее судейское усмотрение преподносится как мерило истины. Не очевидные факты и не адекватные им выводы, а личное судейское усмотрение признаётся исключительным критерием верности приговора суда [4]. Критически относясь к такой позиции, В.И. Телятников полагает, что данный подход авторов уравнивает внутреннее усмотрение и убеждение судьи [14]. Судейское убеждение не может рассматриваться подобно

усмотрению, когда базируется на доказательствах, поскольку оно лимитировано данными доказательствами. Судейское усмотрение – это понятие более широкое. Внутреннее судейское убеждение является субъективным, но искомая и выясненная судьёй истина – объективна. Имеющееся между этими понятиями отношение заключается в том, что убеждение судьи является субъективным отражением реальной истины [10].

В противоположность принципу свободной трактовки доказательств противопоставляется теория формальных доказательств: любое доказательство имеет заранее установленную законом силу, следовательно, некоторая доля фактов обладает положительной установленной силой. Эти факты трактуются в пользу стороны обвинения как безусловно доказанные. Некоторая доля фактов обладает установленной отрицательной силой. Такие факты трактуются в пользу стороны защиты безусловно доказанными. Например, у обвиняемого это алиби. Следуя теории формальных доказательств, требовалось всего лишь набрать нужное количество «очков», чтобы по делу был вынесен обвинительный приговор. Суд не исследовал каждое доказательство в отдельности. В российском праве формальная юридическая сила доказательств была узаконена при Петре I его судебными реформами и упразднена Уставом по уголовному судебному производству при Александре II двадцатого ноября 1864 года. Современным правом в России она тоже не признана.

Доктрина правового позитивизма превозносит законотворческую волю как нерушимую и священную. Эта концепция совершенно не заставляет юристов задумываться над необходимостью исправления применяемых законов, препятствует полностью осуществлять корректирующую силу норм права и претворять достижение общественных правовых целей. Многими исследователями права такая позиция активно критикуется. В современном социуме судья не может быть абстрактным вершителем норм закона. Он обязан применять существующее законодательство творчески, базируясь в своих действиях на принципах демократического права, знания правовой науки и опыт жизни [5].

Теория об отсутствии пробелов в системе позитивного права отталкивается от догмы, что в законе можно найти ответ на любой вопрос из жизни, требуется лишь понять его смысл и отношение законодателя. А при обнаружении пробела нужно лишь заполнить пустующее место. При постановлении по делу решения, судья должен основываться на позитивных правовых нормах. Даже при противоречивости норм закона, неясности или отсутствии норм суд не может быть освобождён от долга постановить по делу решение. Когда судья уклоняется от разбирательства дела, аргументируя это отсутствием нужных норм права, то такое его отношение равнозначно отказу в осуществлении правосудия. Такая теоретическая позиция нашла отражение в законах некоторых государств.

Аналогично эволюционировали российская судебная практика, законодательство и правовая наука. Статья 10 Гражданского процессуального кодекса 1964 года Российской Федерации имела норму, в соответствии с которой при отсутствии закона, регламентирующего спорное обстоятельство, суд имел право применить

норму, регулирующую аналогичные отношения, а в отсутствие такой нормы суд руководствуется обобщёнными основами и смыслом законов. Аналогичная норма имеется в статье 6 Гражданского кодекса Российской Федерации. Она обязывает применителей права руководствоваться требованиями справедливости. Среди до-революционных и современных российских авторов преобладала мысль о том, что при применении закона суд, в первую очередь, должен стремиться к выяснению тех представлений и положений, которые подразумевал законодатель.

Власть имеет большие возможности инициировать и узаконивать правовые нормы. В такой ситуации обязывать к правовому творчеству только законодательные структуры – значит, не принимать во внимание тот факт, что эта обязанность в полной мере выполняется государством в целом, - значит, и судами в ходе применения права. Упрощённый подход к значимости и смыслу судебного процесса привёл к появлению официальной концепции судебной функции по исполнению закона, совершенно не адекватной действительности.

Отсюда признание права судебной власти на судебское убеждение, однозначно, является следствием обоснованных современных требований общественного бытия. Оно даёт возможность показывать динамичность жизни больше, чем нормативный правовой акт. И судья, напрямую сталкивающийся с реальной ситуацией из жизни, способен реагировать на возникающие изменения более быстро, нежели законодатель.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барак А. Судейское усмотрение: пер. с англ. – М., 1999.
2. Бэкон Ф. О достоинстве и совершенствовании наук. – СПб., 1874. - С. 599.
3. Гук П.А. Независимость и судебское усмотрение // Российская юстиция. 2008. - №11. - С. 34-36.
4. Дорохов В.Я., Николаев В.С. Обоснованность приговора. – М., 1959. - С. 45.
5. Ершов В.В. Судебное правоприменение (теоретические и практические проблемы). – М., 1991. - С. 3.
6. Колоколов Н.А. «Судебные практики» должны быть трансформированы в закон // Обеспечение законности в российском уголовном судопроизводстве. – Саранск, 2006. - С. 29.
7. Комиссаров К.И. Задачи судебного надзора в сфере гражданского судопроизводства. – Свердловск, 1971.
8. Люблинский П.И. Судейское усмотрение // Журнал Министерства юстиции. 1904. - №10. - С. 253.
9. Монтескье Ш. Избранные произведения. – М., 1955. - С.297.
10. Нодь Л. Приговор в уголовном процессе. – М., 1957. - С. 95.
11. Папкина О.А. Усмотрение суда. - М., 2005. - С. 39.

12. Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. – М., 1998, - С. 90.
13. Телятников В.И. Убеждение судьи. – СПб, 2004. - С. 94.
14. Телятников В.И. Указ. Раб. - С. 196.
15. Чечот Д.М. Административная юстиция (проблемы применения). – Л., 1979. - С. 68, 72.
16. Юридические произведения прогрессивных русских мыслителей. Вторая половина XVIII века. – М., 1959. - С. 110.
17. Dworkin R.M. Taking Right Seriously. – Cambridge, 1977. - P. 31.

Кушнарченко И.А., Малараева Ю.М.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ ПРАВА ГРАЖДАН НА ЧЕСТЬ И ДОСТОИНСТВО

Понятия «честь» и «достоинство» весьма распространены в текстах морально-философской, юридической и социально-политической тематики. Принято считать, что эти категории близко примыкают друг к другу – настолько близко, что сами термины, часто соседствуя в устной речи, на страницах художественных произведений, в средствах массовой информации, стали восприниматься российским общественным сознанием практически как синонимы. Эта тенденция не обращала бы на себя такого внимания, если бы она с завидным постоянством не воспроизводилась в положениях отечественных нормативных актов.

Конституция Российской Федерации, в принципе, эти понятия не смешивает. Так, ст.20 устанавливает: «Достоинство личности охраняется государством. Ничто не может быть основанием для его умаления». Об аналогичных гарантиях для чести граждан, как видим, речь не идет. И даже в ст.23, гласящей, что «Каждый имеет право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени», нет прямого указания на то, что защиту чести также берет на себя государство.

А вот авторы Гражданского и Уголовного Кодексов России посчитали, видимо, такую осторожность излишней. В ст.152 ГК РФ «Защита чести, достоинства и деловой репутации» обсуждаемые термины уже стоят в одном ряду, пополненном еще «деловой репутацией»: «Гражданин вправе требовать по суду опровержения

порочащих его честь, достоинство или деловую репутацию сведений, если распространивший такие сведения не докажет, что они соответствуют действительности». В УК РФ преступления против свободы, чести и достоинства личности выделены даже в отдельную главу 17, содержащую, правда, только одну статью, касающуюся этих понятий - 128.1, предусматривающую уголовное наказание за клевету, «то есть распространение заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство другого лица или подрывающих его репутацию».

Если разница между этими аксиологическими единицами столь эфемерна, стоит ли использовать два термина? Особенно если они из этического контекста попадают в правовой, где терминологическая неряшливость, будучи чреватой непредсказуемыми юридическими последствиями, выглядит совсем уж неуместно. Возможно, какое-то из этих понятий шире, а другое им без остатка поглощается? Или, наоборот, они взаимно дополняют и отрицают друг друга, находясь в состоянии диалектической оппозиции?

При этом надо отметить, что европейские законодатели куда менее щедры на термины. И вряд ли причина тому - скудость их словарного запаса. Для чести и достоинства, скажем, в немецком языке есть свои несовпадающие существительные – *Ehre* и *Würde*, во французском – *honneur* и *dignité*. Тем не менее, Конституция ФРГ от 23 мая 1949 года лишь устанавливает в Статье 1, что «Достоинство человека неприкосновенно. Уважать и защищать его — обязанность всякой государственной власти». В отношении защиты чьей-либо чести – никаких обязательств! Германским Гражданским Кодексом эта сфера не затрагивается вовсе, а к уголовно наказуемым отнесены лишь узко очерченные оскорбление, злословие («кто в отношении другого лица сообщает или распространяет факт, который порочит его или унижает это лицо перед общественностью, если истинность этого факта не доказана...») и клевета («кто преднамеренно в отношении другого лица сообщает или распространяет заведомо ложный факт, который порочит это лицо или унижает его перед общественностью или угрожает его кредитоспособности...») – ст. 185-187 УК ФРГ. Обращает на себя внимание, что в приведенных уголовно-правовых формулировках даже «достоинство» как таковое не употребляется, хотя речь идет о посягательствах именно на него. Не говоря уже о чести.

Конституция и Гражданский Кодекс Французской Республики вообще не содержат упоминаний о чести и достоинстве, а уголовное преследование предусматривается лишь конкретно за «умышленное посягательство на интимность частной жизни другого» (Статья 226-1 УК Франции) либо «обвинение, осуществленное любым способом и направленное против определенного лица, в деянии, способном повлечь судебные, административные или дисциплинарные санкции, если обвиняющему известно, что обвинение полностью или частично неверно, и если содержащий обвинение доклад направлен должностному лицу судебного ведомства или должностному лицу судебной или административной полиции, либо органу, имеющему право начать по нему производство или передать его в производство компетентного органа, либо если оно направлено вышестоящему начальству или нанимателю обвиненного лица» (Статья 226-10 УК Франции).

Что же касается российской философско-правовой мысли, можно уверенно сказать лишь, что эти понятия относятся как к аксиологическому, так и к нормативному ряду. Но вопрос, насколько корректно их употребление по принципу «два в одном», требует детального рассмотрения.

Скорее всего, традиция такой смешанной интерпретации категорий чести и достоинства восходит к советскому периоду развития отечественной науки, будучи закреплённой в Словаре по этике, выдержавшем как минимум 6 переизданий, и претендующем, как тогда было принято, на бесспорность. В этом источнике честь определяется как «понятие морального сознания и категория этики, тесно связанная и во многом сходная с категорией достоинства. Подобно достоинству, понятие чести раскрывает отношение человека к самому себе и отношение к нему со стороны общества»¹. Похоже, что большинство читателей приведенными двумя предложениями и ограничились, посчитав себя уже состоявшимися специалистами в вопросах чести и достоинства. Но если дочитать соответствующий раздел словаря до конца, то мы узнаем, по крайней мере, что «понятие чести предполагает в отношении к человеку ту меру уважения, которую он заслужил, достоинство же личности основывается на равном праве каждого на уважение»². То есть в методологическом плане реальное правовое содержание обнаруживается только у достоинства!

И раскрывая этот аспект, профессор С.А. Авакьян совершенно справедливо указывает, что под достоинством личности понимается обладание человеком определенными нравственными и интеллектуальными качествами – причем не любыми, а такими, которые соответствуют моральным ценностям, принятым в данном обществе, государстве. Человек субъективно исходит из того, что он обладает такими качествами и полагает, что так же его должны воспринимать и окружающие. Оценка человека как достойного означает, что речь идет о таких его параметрах, как: определенное поведение человека; невозможность совершения им поступков, осуждаемых общественной моралью; уровень ума и образования человека; отношение к окружающим, образ жизни, признаваемые желательными, а то и образцовыми в обществе. Причем достоинство личности — категория, которая не зависит от факторов внешней (общественной и индивидуальной) оценки. Человек может заблуждаться насчет своих достоинств, превозносить их, а то и не обладать ими. У него могут быть какие-то качества, по мнению окружающих, в скромном объеме. Но это никак не повод для отрицания достоинства вообще³. В русле такой интерпретации понятия достоинства лежит тогда и утверждение о том, что «каждой личности без учета ее достижений, статуса или особенностей принадлежит человеческое достоинство»⁴.

1 Словарь по этике / Под ред. А. А. Гусейнова и И. С. Кона. - 6-е изд. - М.: Политиздат, 1989. - С.397.

2 Там же. - С.398.

3 Авакьян С.А. Конституционный лексикон: государственно-правовой терминологический словарь. М: Юстицинформ, 2015. - С.286-287.

4 Лейбо Ю.И., Толстопятенко Г.П., Экштайн К.А. Научно-практический комментарий к главе 2 Конституции Российской Федерации «Права и свободы человека и гражданина» / Под ред. К.А. Экштайна. М., 2000. С. 108.

Даже наказание за противоправные деяния, считает Г.Гегель, не умаляет достоинства совершившего их, ибо должно быть отнесено к категории собственных прав преступника: «Преступник почитается как разумное существо, и вынесенная судом санкция выражает тем самым уважение к преступнику как к личности, свободно выбравшей форму своего поведения в виде преступления»⁵.

Таким образом, оценка достоинства – это прежде всего дело самой личности, главным образом ее самооценка, и базируется она на осознании своей самоценности, индивидуальности, неповторимости и своих заслуг перед обществом, которые могут быть как реальными, так и мнимыми.

Оказывается, можно весьма произвольно трактовать содержание таких фундаментальных нравственных категорий, как, например, добро и зло, долг, справедливость, можно даже сознательно ориентироваться на зло вместо добра, как это делают последователи некоторых экзотических религиозных культов, но никакой человек не согласится смириться с приписываемой ему ничтожностью, лишиться такой, казалось бы, эфемерной материи, как достоинство. Публичное признание индивидом своей ничтожности и недостойности осуществляется чаще всего в культовых учреждениях и несет явный отпечаток кокетства или даже нарциссизма. Тем самым, для личности достоинство едва ли не более значимо, чем физическое здоровье, материальное благополучие и даже сама жизнь. Человек может вынести множество лишений, но, как правило, он не переносит унижения, которое лишает его чувства собственного достоинства, возможности уважать себя. Такая утрата провоцирует распад личности, суицидальные наклонности. Таким образом, достоинство является ни много ни мало атрибутом, инвариантом человеческой личности, утрата которого равносильна ее даже не отрицанию, а небытию. То есть эта категория имеет прежде всего даже не аксиологический, а онтологический характер.

Пожалуй, не найдется человека (за исключением, может быть, главы государства), который был бы удовлетворен своим социальным положением. Каждый из нас в глубине души считает, что он достоин чего-то большего. Но социальная пирамида на то и пирамида, чтобы сужаться по направлению к своей вершине. Чем выше очередной уровень, тем меньше на нем места. Субъективно это может восприниматься как несправедливость. Постоянно переживаемое, такое ощущение было бы разрушительным для личности. И вот на помощь приходит чувство собственного достоинства. Поэтому его можно рассматривать как внутриличностный механизм компенсации субъективных издержек объективного процесса разделения труда.

Вот почему достоинство включается в конституционный перечень неотъемлемых, родовых человеческих прав, что закреплено, в частности, в Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, ратифицированной Российской Федерацией 30 марта 1998 г. Ст.3 этого документа гласит, что «Никто не должен подвергаться ни пыткам, ни бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию». Аналогичные нормы содержатся в Кодексе поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка, принятом резолюцией 34/169 5 Гегель Г.В.Ф. Философия права. М., 1990. С.148.

Генеральной Ассамблеи ООН от 17 декабря 1979 г. Этот акт, с одной стороны, устанавливает, что «При выполнении своих обязанностей должностные лица по поддержанию правопорядка уважают и защищают человеческое достоинство и поддерживают и защищают права человека по отношению ко всем лицам» (Ст.2), с другой стороны, что «Ни одно должностное лицо по поддержанию правопорядка не может осуществлять, подстрекать или терпимо относиться к любому действию, представляющему собой пытку или другие жестокие, бесчеловечные или унижающие достоинство виды обращения и наказания» (Ст.5). В какой степени сюда укладывается понятие чести?

Честь – это положительная социально-нравственная оценка человека или учреждения, авторитет, репутация; это одно из главных нравственных качеств, высшая степень честности, порядочности и благородства. Профессиональная честь – это признание общественным мнением и осознание самим индивидом факта и высокой социальной ценности (нужности и важности) самоотверженного выполнения им своего профессионального (служебного) долга. Таким образом, заслужить звание «человек чести» можно только безупречным исполнением долга и требований нравственности. Обрести это звание непросто, а чтобы потерять его, достаточно совершить всего лишь один бесчестный поступок. Недаром еще наши далекие предки учили: «Береги честь смолоду».

Значит, если в категории чести преобладает объективное содержание, то в категории достоинства, наоборот – субъективное. С другой стороны, честь, не мыслимая без выполнения долга, имеет деонтологическую природу, в то время как достоинство, как было показано выше – онтологическую.

Для человека чести единственным оправданием неисполнения долга, сознательно взятых на себя обязательств, является только собственная смерть. Но для такого человека понятия чести и достоинства равнозначны. Уронив свое достоинство, он, разумеется, утрачивает и честь. Но, более того, утрата чести оборачивается для него потерей собственного достоинства, а значит, подводит черту под существованием как личности. Причем неважно даже, если это произошло по независящим от человека обстоятельствам. Вспомним неписаную традицию, действовавшую в офицерском корпусе царской России. Допустим, офицер подвергся хулиганскому или разбойному нападению. Скорее всего, нападение это было неспровоцированным, а силы нападавших заведомо и многократно превосходили оборонительные возможности жертвы агрессии. Тем не менее, если отбиться (выйти с честью!) этому офицеру не удалось, он попал в полицейскую сводку как потерпевший, и инцидент этот получил огласку, командир части вполне мог предложить ему написать прошение об отставке. Просто не повезло, но со статусом не совместимо! И для ни в чем не повинного человека это во многих случаях оказывалось крахом не только служебной карьеры, но и судьбы в целом.

Следовательно, наличие чести автоматически создает основание для обретения собственного достоинства, то есть имеет место импликация «честь → достоинство». А вот об обратной импликации, в силу выявленных обстоятельств, речь в большинстве случаев не идет. Что, собственно, и исключает возможность

не только отождествления этих понятий, но даже придания им какого-то однопорядкового статуса – как философского, так, следовательно, и правового.

К числу современных признаков прав и свобод как бесценных человеческих благ в литературе отнесены: наивысшая значимость для человека, общества и государства; изначальный (первородный) характер, поскольку для их приобретения не требуется совершения активных действий; неотчуждаемость; особое положение в механизме правового регулирования системы общественных отношений, а именно формирование принципов правового регулирования и производных прав и свобод личности; всеобщность как принадлежность каждому, а также единство и равенство для всех; наивысшая юридическая сила; особая организационно-правовая система охраны (усложненный конституционный порядок пересмотра, гарантированность и защита со стороны высших должностных лиц государства)⁶. И если по ряду перечисленных признаков аналогия между честью и достоинством действительно усматривается, то изначальность (первородность), неотчуждаемость и всеобщность как принадлежность каждому, очевидно присущие достоинству, вовсе не являются определяющими признаками для чести, в первую очередь в силу ее статусного характера.

В период Средневековья и раннего Возрождения честь устойчиво ассоциировалась с конкретными статусными группами. Статусность относилась не к личности, а к корпорации, членом которой та или иная личность состояла, и вне которой личность отдельно не рассматривалась, а, следовательно, ни о какой персонализации речи не шло. Честь была качеством знатных людей, для которых представляла ценность и как реальный фактор, и как регулятор их статусного (корпоративного) поведения, обеспечивая роль группового нормирования в виде определения и охраны границ определенного сообщества. Так, средневековый рыцарь считал себя свободным от государственных законов и за норму своего поведения полагал не право, а правила рыцарской сословной чести, исходя из убеждения в том, что лицо, способное носить оружие, не должно довольствоваться наказанием, налагаемым судом, а должно мстить с оружием в руках за вытерпленную неправду. И защищал он с оружием в руках не столько свое доброе имя или моральные представления, сколько честь рыцарского сословия, к которому он принадлежал.

В этот период сформировался этический стандарт, согласно которому формой управления поведением членов рыцарской корпорации стали согласительные правила, которые принимают сами корпоранты с обязательством им неукоснительно следовать. Даже единичное нарушение хотя бы одного из принятых правил влекло для нарушителя исключение из корпорации, а следовательно, необратимую утрату привычного социального статуса. Тем самым честь и нравственность оказались связанными между собой. В то же время очевидно, что честь, рассматриваемая в этом исходном, классическом ракурсе, оказывается отнюдь не врожденной, а

⁶ Мамонтов А.Г. Понятие, структура и принципы основ правового статуса личности: лекция. М., 2001. С. 5-6. См. также: Невинский В.В. Достоинство человека: от философско-правовой идеи к конституционному принципу современного государства (К 50-летию Всеобщей декларации прав человека) // Государство и право. 1999. № 10. С. 120-121.

наделенной или приобретенной в связи с фактом вступления индивида в рыцарскую (самурайскую, служебную и др.) корпорацию.

Защита так понимаемой чести – исключительная обязанность ее носителя, в крайнем случае – корпорации, но отнюдь не государства и государственного права.

Понятие достоинства же зародилось в античности, в процессе образования государств. В то время оно не связывалось с индивидуальной самобытностью личности. Ценность человека определялась исключительно его принадлежностью к государству. Причем понятие достоинства относилось только к свободным гражданам. Раб не считался человеком и поэтому не имел ни человеческого, ни гражданского достоинства.

Сложилась по-своему логичная социальная дифференциация – свободные граждане изначально, от рождения были наделены неотчуждаемым правом достоинства, а члены определенных корпораций – честью, по факту принадлежности к данной корпорации. В некоторых случаях, например, для представителей дворянского сословия, честь была первородной, но вполне отчуждаемой. Ее необходимо было защищать и отстаивать, а можно было уронить или запятнать. С утратой чести индивид вполне мог утратить и корпоративный статус, пусть даже и обретенный им изначально по факту рождения. Так, офицер, разжалованный в рядовые за бесчестный поступок, лишался, вместе с погонами и шпагой, и прав дворянства.

Достоинство можно восстановить, в том числе и в судебном порядке. Если в отношении подлеца суд вынес решение, что тот таковым не является, то окружающие, каким бы ни было их мнение на этот счет, должны принять позицию суда как непреложную. А вот утрата чести – событие почти необратимое. Судебным решением ее не вернешь. Трудно себе представить дворянина эпохи «Трех мушкетеров», который, получив публичную пощечину, не отстаивает свою честь на дуэли, а садится писать исковое заявление. Поправка «почти» оставлена на тот маловероятный случай, когда разжалованный офицер проявляет на фронте чудеса героизма, становится полным георгиевским кавалером, и вновь обретает дворянство – вместе с честью.

В общем, иметь достоинство – это один из элементов социального комфорта, в то время как иметь честь – занятие хлопотное и затратное. Вспомним, что золотое правило нравственности выступает в двух формах – позитивной и негативной: «(Не) поступай с другими так, как ты (не) хотел бы, чтобы они поступали с тобой». Так вот, творить добро – это для тех, кто хочет чести, а хотя бы не делать зла – для тех, кто готов ограничиться достоинством.

Такой баланс продержался до Нового времени – эпохи буржуазных революций. Обрести политическую власть предпринимательский класс был бы не в состоянии без привлечения к себе в союзники низших многочисленных слоев общества. И для них лозунг обретения равенства, через отказ от сословно-статусных традиций, сыграл роль морковки, которую вешают перед носом у ослика, чтобы сориентировать того в нужном хозяину направлении. Идея равенства людей от природы стала основой представлений о том, что любой человек, в силу принадлежности к человеческому роду, обладает неким абстрактным достоинством

человека как такового. Сформировалось понимание достоинства как неотъемлемого атрибута человека, не требующего дополнительного признания со стороны общества. Подобное представление о достоинстве получило закрепление в концепции прав человека, принадлежащих каждому независимо от его расы, пола, возраста, социального положения.

Статусные группы, принадлежность к которым являлась необходимым условием обретения чести, были для нового господствующего класса политическими конкурентами. В зависимости от интенсивности их сопротивления буржуазно-демократическим преобразованиям, в каких-то странах они были даже физически уничтожены, где-то просто упразднены, а где-то номинально сохранены в качестве дани консервативным традициям. Сегодня британская королева посвящает в рыцари ученых, банкиров, и даже рок-музыкантов. Американской знатью упорно считают себя те, чьи предки высадились на берег с «Мэйфлауэра». Для чего это нужно?

Экономическое могущество буржуа удалось закрепить политической властью. Но тщеславие никуда не делось. Перед правящими или даже просто успешными слоями общества возникает амбициозная задача – совместить финансовые возможности с аристократичностью. Но последняя неотделима от чести. В то же время сложившаяся социальная структура предполагает исключительную монополию на честь теперь уже только для профессиональных корпораций, основанных на служебном долге и поддерживающих внутреннюю иерархию (армия, правоохранительные органы и др.). Каков же выход из этого экзистенциального тупика?

Можно взять достоинство, особенно если его показатели наглядны и выразительны, и попробовать выдать его за честь. Так честь в современную эпоху становится симулякром – в лучшем случае она служит символическим обозначением достоинства, в худшем – символом, вообще не имеющим за собой оригинала. Все в лучших традициях постмодерна. Потому и делаются попытки придать чести правовой статус со всеми вытекающими отсюда нелепостями. По добросовестному недомыслию или сознательно – наверняка определить затруднительно. Новое и Новейшее время пытается уравнять понятия Чести и Достоинства между собой и связать таким образом честь с успехом: материальным достатком, престижем, положением в обществе, властью. То есть честь не у того, кто ежесекундно готов к самопожертвованию, а у того, кто в состоянии за нее заплатить – например, адвокату. Но такая точка зрения не только антинаучна, как показано выше, но и противоречит здравому смыслу.

Вывод из приведенных рассуждений достаточно очевиден. Полагаем целесообразным исключить из нормативных правовых актов положения, устанавливающие правовые гарантии защиты чести граждан, как неосуществимые по самой природе чести, ограничившись таковыми гарантиями принципиально лишь для достоинства и деловой репутации граждан.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

Чесных И.И.

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ОТНОШЕНИЙ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В соответствии с ч.4 ст. 15 Конституции РФ [1] общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры РФ являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором РФ установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора. Проще говоря, нормы международного права доминируют над национальным правом. В данной статье речь пойдет о роли и месте решений ЕСПЧ в системе российского национального законодательства.

История возникновения отношений между РФ и ЕСПЧ берет свое начало с 5 мая 1998 года. Эти отношения были в последующем закреплены нормой закона, Федеральный закон от 30 марта 1998 г. N 54-ФЗ «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней» [2]. В этом году будет своеобразный «юбилей» 20 лет. Уже сейчас можно сделать определенные выводы, дать правовой анализ решений ЕСПЧ, а также наметить на будущее перспективы кооперации и взаимодействия между ЕСПЧ и отечественной фемидой.

Для начала необходимо понять, насколько широкое значение и важность решений ЕСПЧ играет в общей судебной практике России, включая не только международные решения судов, но и решения национальных судов. В процентном соотношении этот показатель действительно мизерен, однако если взглянуть на внутреннюю статистику ЕСПЧ, то вот что мы увидим. В качестве сравнения можно привести раннюю статистику. Так, согласно данным на конец 2013 года на первом месте по количеству переданных судебным составам жалоб, находящихся на рассмотрении, занимает Россия, а именно 16800 жалоб, это 16,8% от общего количества поданных жалоб. Этот факт можно трактовать по-разному. Начиная от «пресловутого» несправедливого отправления правосудия, до совсем неожиданного, например высокий уровень правовой подготовки и

осведомленности граждан. Так или иначе, но эта цифра говорит о важности и востребованности граждан РФ и не только, в обеспечении своих прав, посредством обращения в ЕСПЧ.

Однако, несмотря, на возможность отстаивания своих законных прав, и интересов в международном суде, большинство граждан сталкивается (в случае выигрыша дела) с проблемой правоприменения решения суда уже внутри страны, а если быть точным то с отсутствием, по сути, говоря механизма применения на практике решений в частности ЕСПЧ. Данная проблема берет свое начало, по сути, говоря с момента подписания РФ конвенции о защите прав человека и основных свобод. Если рассматривать проблематику более глубоко, то мы можем увидеть ряд причин способствующие ее существованию.

Первая. Это наличие самого решения ЕСПЧ, как бы это парадоксально не звучало. Основным требованием для подачи частной жалобы в ЕСПЧ является, прохождение всех этапов защиты своего права, и прежде всего, судебные методы защиты. Для РФ обязательным условием будет являться прохождение заявителем, первой, апелляционной и кассационной инстанции.

Сама по себе подача частной жалобы в ЕСПЧ, говорит о потенциальном наличии судебной ошибки, которая с большой долей вероятности не была усмотрена, не только на уровне первой инстанции, но и при последующем рассмотрении дела в апелляционной и кассационной инстанциях. Безусловно данная проблематика задевает не только профессиональную составляющую судей, но и общую репутацию судебной системы в целом. И здесь уже целиком и полностью бремя решения данной проблемы ложиться на национальные суды.

Однако были и есть положительные сдвиги по данному направлению. Так, например в 2016 году ЕСПЧ счел подачу кассационных жалоб в порядке предусмотренном УПК РФ, не эффективным средством правовой защиты, не влияющим на исчисление шестимесячного срока, на обращение в ЕСПЧ, подобное решение весьма сильно сократило сроки подачи частных жалоб осужденными.

Логично, что следующие шаги должны последовать со стороны, отечественной фемиды. Безусловно, проблема применения решений международного суда, в частности ЕСПЧ внутри суверенного государства носят порой болезненный характер, однако без всестороннего подхода к этой острой проблеме, как со стороны доктрины, так и со стороны судебных органов, невозможно будет установить строго принятого консенсуса.

Сегодня мы можем наблюдать достаточно странное и неоднозначное отношение КС РФ на решения ЕСПЧ. Складывается впечатление, что КС РФ занимается созданием скорее механизмов, направленных на не возможность принятий и удовлетворений решений ЕСПЧ. Такая позиция КС РФ, по сути своей противоречит одному из главных юридических принципов *Pacta sunt servanda*, который в свою очередь напрямую вытекает из взятых и ратифицированных на себя РФ обязательств из конвенции о защите прав человека и основных свобод. Более того подобное отношение имеет место быть не сколько из-за

юридических аспектов, связанных с несоответствием норм международного права, Конституции РФ, что довольно часто упоминается в толковании решений ЕСПЧ национальной фемидой, сколько политической конъюнктурой. Безусловно, последний аспект должен быть полностью исключен КС РФ в своей деятельности, так как не может существовать в условиях правового государства [7].

За 20 лет с момента принятия РФ конвенции о защите прав человека и основных свобод, накопилась внушительная судебная практика, которая сегодня может стать прекрасным инструментом для правового анализа решений ЕСПЧ на доктринальном и профессиональном уровнях.

Основным катализатором изменений должен выступить именно КС РФ, который должен выступить одним из главных судебных органов страны отвечающих за исполнения решений ЕСПЧ, а в случае необходимости всестороннего и объективного отказа в исполнении решений ЕСПЧ, наличие юридических разногласий и правовых коллизий, безусловно, тоже имеет место быть, т.к. подобная практика имеет место быть и в других странах Совета Европы, в частности Великобритании, в которой ярким примером может послужить отказ исполнять решение ЕСПЧ по делу «Hirst v. UK» [3].

Однако стоит отметить, что если государство констатирует, что без изменения законодательства или судебной практики рассмотренная ЕСПЧ ситуация может повториться, оно, как правило, проводит необходимые новации.

Еще одним не менее действенным механизмом для исправления сложившейся ситуации, может послужить отражение основных путей развития взаимодействия между российской фемидой и ЕСПЧ, в рамках Судебной реформы 2018-2020 гг. [6].

В заключении стоит еще раз упомянуть статистику. Уже более свежую.

Согласно уже более свежим статистическим данным за 2016 год, требования граждан РФ, подающих жалобы в ЕСПЧ, касаются нарушения прав на свободу и безопасность (153 случая), о защите от бесчеловечного обращения (64 случая), а также на справедливое судебное разбирательство (41 случай) [5].

Вышеупомянутая статистика, ясно и отчетливо показывает, что проблемы есть, а, следовательно, необходимы адекватные меры судебного реагирования.

Подводя итог, стоит подчеркнуть, что только эффективное и справедливое и независимое функционирование судебного аппарата будет способствовать снижению количества подаваемых частных жалоб в ЕСПЧ, как следствие повышение качества отправляемого правосудия национальными судами, а также удовлетворенность деятельностью судов со стороны рядовых граждан.

ЛИТЕРАТУРА

1. «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ).
2. Федеральный закон от 30 марта 1998 г. N 54-ФЗ «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней».
3. *Hirst v United Kingdom (No 2)* [2005] ECHR 681.
4. <https://roseurosud.org/novosti-espch/espch-2017-rossiya-bet-rekordy>.
5. Чесных И.И. Перспективы развития российской судебной системы в 2018-2020 гг. 2017
6. Чесных И.И. Применение судебного прецедента в российских отраслях права // Государство и право в XXI веке. - 2015. - № 1. - С. 14-17.
7. Чесных И.И. Применение судебного прецедента в российских отраслях права // Государство и право в XXI веке. - 2014. - № 2. - С. 15-18.

Шоткинов С.А.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ КРИМИНОГЕННОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ СМИ НА ПРЕСТУПНОСТЬ

Виды воздействий средств массовой информации на общество и отдельных его представителей с позиций криминологов можно представить в виде сложной системы взаимодействий между субъектами, передающими и получающими информацию. Как уже было отмечено в данной работе, передача информации осуществляется с помощью сигнала, содержащего сведения о каких-либо событиях и обстоятельствах. Сведения, в результате их осознания становятся достоянием мыслительной деятельности человека. Простая схема усложняется разнообразностью передаваемой информации и большим числом ее получателей. Однако эти осложнения не будут учитываться при определении главной специфической черты воздействия средств массовой информации – его информационной сущности. Соответственно, и связи, возникающие в рамках рассматриваемого вида взаимодействия между субъектами, будут характеризоваться, как информационные.

С точки зрения «теории детерминации», воздействие средств массовой информации на преступность не может быть признанным прямым, т.е. не опосредованным сознанием лица, совершающего преступление, даже, если при этом не затрагивается непосредственный причинный комплекс. Нельзя доказать и наличие четкой, неизменной зависимости между самым интенсивным воздействием негативной для человека информации и совершением им преступления. В подтверждение сказанного выше стоит привести научную позицию одного из современных исследователей воздействия СМИ. «Нет доказательств абсолютной криминогенности или анти - криминогенности воздействия средств массовой информации на формирование личности преступника» [1]. Отсутствие «абсолютной» криминогенности говорит о том, что у воздействий нет характеристик причины, но вместе с этим нельзя игнорировать факты изменения взглядов людей после воздействия внешней информации. Исходя из содержания классических положений «теории детерминации», необходимо заметить, что почти все из рассмотренных воздействий не выходят из процесса генетического порождения следствия, либо вступают с ним в иные взаимодействия. Например, нельзя однозначно сказать, что воздействия, которые приводят к отклонениям от социально полезного

поведения непосредственно участвуют в причинностном взаимодействии. Остается констатировать, что информационное воздействие масс - медиа в основной своей массе, так или иначе, занимает место условий в процессе детерминации преступности. В совокупности с этим, информационный характер воздействия СМИ на преступность полностью подпадает под предложенное понимание внешнего «информационного условия».

Как было отмечено ранее, условия в детерминации преступности могут занимать различные места, оказывать различные виды влияние на порождение преступности, а, следовательно, иметь различные связи с ней. В общей схеме детерминации преступности воздействие средств массовой информации может иметь различные связи с преступностью. Охарактеризовать эти связи на абстрактном уровне в полной мере не представляется возможным, хотя можно предположить, что будут иметь место информационные причинно-следственные (следственно - обуславливающее), пространственно- временное взаимодействия и связи состояний. Однако представленная схема воздействий с приоритетом в рассмотрении причинности заметно осложняется наличием процесса отражения информации. Приблизительно в одном и том же временном промежутке действуют два процесса: порождающий и отражающий. Особенно сложно охарактеризовать их соотношение. С одной стороны, детерминация преступления не может происходить без восприятия информации извне, т.е. без ее отражения психикой. С другой стороны, в причинности не может быть неучтенным фундаментальный процесс отражения и его частный случай - феномен человеческого сознания. Связь же отражения с причинностью в настоящее время четко не установлена, можно лишь сказать, что эта связь существует. Поэтому кажется целесообразным применение позиции, которая говорит о том, что отражение может осуществляться в рамках причинности [2, с.183]. В этом сплетении двух процессов, по- видимому, и заключается особенность взаимодействия, которую принято отображать в понятии «информационная связь»[3, с.42].

Исходя из всего сказанного, в процессе детерминации воздействие масс - медиа проявляются как информационные условия:

1. Формирующие причину преступности.

Условия, принимающие непосредственное участие в формировании причины преступности - «деформации сознания». Так информация, передаваемая СМИ, может содержать противоречащие представлениям людей данные и приводить в результате их осознания к значительным деформациям общественного сознания, которые при наложении на деформации, возникшие в результате противоречий в иных сферах общения (в семье, в школе, на работе, в неформальных группах и т.д.), могут стать причиной преступности. Важность этих условий заключается в том, что они являются необходимыми, но недостаточными для появления следствия. Условия, формирующие причину, включаются в причинностное взаимодействие, и имеют самостоятельную следственно - обуславливающую связь с преступностью.

2. Свидетельствующие об упущениях системы противодействия преступности.

Проявление информационного характера рассматриваемого воздействия отражено в схеме детерминации преступности в качестве условия, способствующего совершению преступления. В этой роли воздействие не должно влиять на преступную мотивацию. Условие не входит в процесс порождения преступной мотивации, но оказывает влияние на совершение преступления. Отсутствие способствующего условия не может сказаться на решении совершить преступление. Связь со следствием характеризуется как обуславливающая.

3. Влияющие на способ и другие обстоятельства совершения преступления.

Информация, передаваемая СМИ, о возможном способе совершения преступления, либо об иных обстоятельствах воспринимается лицом, уже решившим совершить преступление и реализуется им. Условие способствует совершению преступления, имеет обуславливающие связи с преступностью.

Положения «информационной теории причинности» свидетельствуют о том, что внешние информационные воздействия занимают собственные места в процессе детерминации преступления. Каждое такое воздействие вступает в определенные связи с преступлением, которые могут быть довольно точно охарактеризованы. Следует признать, что, несмотря на полноту, с которой предложенный подход определяет место и связи воздействий средств массовой информации на преступность за рамками предложенной схемы остаются условия, воздействующие на микросреду личности, совершившей преступление.

Отобразить воздействие перечисленных условий на уровне детерминации преступности в полной мере не представляется возможным из-за множественности совершаемых преступлений и большого числа людей, воздействие СМИ на которых необходимо учитывать. Кроме того, относительная массовость и стихийность преступности делает необходимым рассмотрение именно предумышленных видов преступлений, как наиболее полно представляющих «внутреннюю детерминацию».

Возникает необходимость в рассмотрении механизма отображения человеком информации и дальнейшего процесса формирования внутренних установок, приводящих к решению совершить преступление или совершить его при определенных обстоятельствах. Поскольку процессы восприятия сигналов извне, их осмысления, формирования мотивации - непосредственной причины совершения преступления, у каждого человека индивидуальны, но складываются по общим для всех психически здоровых людей закономерностям, то в криминологии принимается своеобразная обобщенная модель «механизм индивидуального преступного поведения». Этот механизм учитывает психические процессы и состояния в детерминации преступления в рамках учения «о личности преступника», позволяет на теоретическом уровне довольно точно указать место, роли и связи воздействий СМИ с формированием у лица криминогенной мотивации, а так же совершением преступления. Ранее уже было сказано, что механизм преступного поведения отражает связь и взаимодействие внешних факторов объективной действительности и внутренних психических процессов и состояний, детерминирующих решение совершить преступление, и направляющих и контролирующих исполнение этого

решения [4, с.359].

Итак, с этой точки зрения информационные воздействия масс - медиа, входящие в причинно- следственное взаимодействие, следует представить в качестве «внешних» воздействующих факторов на характеристики «подструктуры направленности» личности. Подобные информационные условия можно обозначить, как сигналы, которые становятся предметом осознания личностью. Психологи отмечают, что сигнал, воспринятый человеком, формирует образ. Сформировавшись, он сам по себе определенного поведения не вызывает, а подлежит соотнесению с мотивацией и той информацией, которая хранится в памяти. Это сравнение на основе характеристик, заложенных в психику человека, через сознание приводит к принятию решения [5, с.50].

Криминологи эту картину представили, как внутренний процесс взаимодействия, внешних условий и криминогенной мотивации. Как было отмечено в предыдущих рассуждениях, мотивация - субъективная детерминация поведения человека, но, вместе с этим, она отражает некую мотивационную сферу, в которую входят несколько мотивов. Некоторые исследователи кроме мотивов в мотивационной сфере помещают еще и цели, выбор путей их достижения, прогнозирование, принятие решения и другие элементы. Таким образом, появляется взаимосвязанные этапы механизма преступного поведения, на которых и проявляется специфика внешних воздействий. Специалисты в области криминологии выделяют различные этапы, которые можно свести к следующим:

- формирование мотивации,
- постановка целей,
- совершение преступления,
- контроль за результатами своего поступка [6, с.178].

Формирование мотива - основной этап мотивации, хотя следует заметить, что процесс мотивации на этом не завершается, поскольку «это формирование невозможно вне связи с целеобразованием, выбором путей достижения цели, прогнозированием будущих действий, принятием решения...» [7,с.34]. Большинство авторов не распространяют действие мотивации на весь процесс индивидуального преступного поведения, но, тем не менее, они не отрицают возможности изменения сформированных мотивов и появления дополнительных мотивов, т.к. человеческое поведение полимотивировано [8, с.60]. Так или иначе, взаимодействие мотивов и информации извне возможно на различных этапах механизма преступного поведения, при этом результаты воздействия изменяются на каждом из этапов. Из сказанного следует, что воздействия средств массовой информации имеют различные места и роли в механизме индивидуального преступного поведения, а, значит, и связи с преступлением. Например, информация о способе совершения преступления может привести к формированию мотива на совершение преступления, но может не повлиять на формирование мотива, и решение совершить преступление, а сказаться на изменении способа достижения поставленной ранее цели. Так условие, формирующее причину преступления, становится условием, но уже способствующим совершению преступления.

Определение момента указанного изменения места воздействия в механизме совершения преступления вызывает проблему потому, что нигде не обозначается критерий, который позволял бы четко разграничивать изменения результата воздействия информации. Кажется, что такое изменение поможет выявить определение момента, когда окончательно сформируется мотив. Отследить этот момент почти невозможно, ибо мотив может дополняться и грань между двумя условиями растворяется, несмотря на различные результаты воздействий. Еще больше сложностей вызывает характеристика условий формирующих криминогенную мотивацию. Ученые установили, что условия, формирующие причину преступления, воздействуют на мотивацию опосредованно, через систему личностных установок. К ним относятся «внутренние личностные элементы»: потребности лица, его интересы, взгляды, убеждения, чувства, идеалы, мировоззрение, которые в виде актуализированного желания выполняют функции мотива [9, с.360]. Так, можно привести пример, когда материалы, прославляющие преступные взгляды, интересы, убеждения и антиобщественные потребности передаются средствами массовой информации регулярно. Воспринимающие субъекты сразу после осуществления воздействия преступления не совершают, лишь постепенно изменяется их поведение- индикатор изменения психических характеристик личности. Затем становятся заметными новые негативные позиции и ценности людей, их взгляды. Необходимо отметить, что этот пример отражает только одну из тенденций, где не учитываются внутренние и внешние антикриминогенные факторы, а также получатели информации, которые не уделяют внимания таким передачам. «Вообще какое - то обстоятельство, пусть даже крайне отрицательное, само по себе трудно назвать причиной преступности. Его взаимодействие с разными типами личности может привести к диаметрально противоположным результатам» [10, с.217]. К таким же выводам пришли специалисты, которые пытались установить связь между агрессивной рекламой и агрессией подростков. Поэтому ученые психологи, которые исследуют связи между негативным воздействием и поведением принимающих субъектов пользуются социологическими методами и выделяют корреляционные взаимосвязи [11, с.96].

На процесс мотивации оказывают воздействие и общие причины - деформации сознания. Такое сознание в психологии трактуется как искаженное психическое отражение признаков реальности. Несмотря на то, что в настоящее время процесс перехода внешней информации в психические образы полностью не изучен, следует признать, что деформированные образы и понятия не могут создать относительно адекватных реальности представления о ней, а затем и ценности, интересы, ориентации. Иными словами, деформации сознания создают искаженные установки в психологии личности, точнее, в подструктуре направленности личности, на основании которых формируется система интересов, потребностей лица, взглядов, убеждений, т.е. «внутренних детерминант». Например, пропаганда и привлечение интереса к проституции, противоправному образу жизни, наркомании воздействуют на психические характеристики личности, изменяя их.

Такие воздействия средств массовой информации связаны с изменением по-

зиций личности. Следует обратиться к классическому пониманию роли указанного вида воздействий в механизме преступного поведения: «Процесс формирования позиции личности (особенностей ее потребностей, интересов, ценностных ориентации) не включается в понятие механизма преступного поведения, хотя является начальным звеном более развернутого причинного объяснения последнего» [12, с.114]. Это воздействие лишь усиливается в межличностном отношении, когда уже сформированы совместные интересы и ценности. Представляется, что это одна из предпосылок распространения групповой преступности и наркомании. Можно сказать, что сформированные в определенной группе общие взгляды и представления еще более усиливают восприятие антиобщественных установок из окружающей среды. В этом и заключается негативность «воспитательного» эффекта информации СМИ, в последнее время отмечен отечественными криминологами и становится предметом из непосредственного изучения [13, с.127].

В общем виде все аморальные, а тем более противоправные, воздействия масс -медиа, постепенно создают комплекс внутренних элементов личности, которые занимают важное место в механизме индивидуального преступного поведения, так как они опосредуют внешнее информационное воздействие в процессе его психического отражения. Поэтому, традиционно большее внимание криминологи уделяют тому, что воздействие СМИ попадают «на уже частично подготовленную почву» [14, с.156].

ЛИТЕРАТУРА

1. Ассанов Е.В. Массовая информация и поведение граждан. / Преступность и культура: сб. науч. тр./ Под ред. А.И.Долговой. М., 1999.
2. Бафия Ежи. Проблемы криминологии. М., 1983.
3. Гордякова О.В. Влияние личностной агрессивности и тревожности подростков на эмоциональное отношение к агрессии в телевизионной рекламе// Психологический журнал. 1999. Том 20. № 4.
4. Криминология. Под ред А.И.Долговой. М., 1997.
5. Криминология. Под ред. Н.Ф. Кузнецовой и др. М., 1994.
6. Курс советской криминологии/ Под ред В.Н.Кудрявцева и др. М.,1985.
7. Лунеев В.В. Мотивация преступного поведения. М., 1991.
8. Механизм преступного поведения/ Под ред. В.Н.Кудрявцева. М., 1981.
9. Немов Р.С. Психология: В 3-х кн. М., 1999. Кн.1: Общие основы психологии. С.50.
10. Репецкая А.Л., Рыбальская В.Я. Криминология. Общая часть: Учеб. Пособие. Иркутск, 1999.
11. Туляков В.А. Социальные общности как жертвы преступлений // WWW. Victimology. org.ua.

КВАЛИФИЦИРОВАННОЕ УБИЙСТВО ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ АБХАЗИИ (КРОВНАЯ МЕСТЬ)

Главная задача любого государства – обеспечение охраны жизни и здоровья, чести и достоинства своих граждан от любого посягательства на них посредством создания благоприятной сферы обитания и постоянного повышения экономического, идеологического, культурного и морально-нравственного уровня жизни общества [1, с.146].

Тем не менее, убийства, к сожалению, являются одними из самых распространенных преступлений и, более того, убийства, совершенные при отягчающих обстоятельствах, занимают в этом объеме значительную долю. Данные убийства в уголовном праве принято дифференцировать, как квалифицированные убийства. К квалифицированным убийствам следует отнести убийства, совершенные при наличии хотя бы одного из отягчающих обстоятельств (квалифицирующих признаков), перечисленных в ч.2 ст.99 УК РА (ч.2 ст.105 УК РФ).

Разумеется, все признаки основного состава убийства тоже должны быть налицо. Если в действиях виновного имеются два или несколько квалифицирующих признаков, то все они должны быть указаны в предъявленном обвинении и приговоре. Однако, необходимо отметить, что при квалификации, они не образуют совокупности преступлений, поскольку речь идет о единичном преступлении (убийстве), а не о множественности их. Тем не менее, наличие двух или нескольких квалифицирующих признаков влияет на оценку тяжести содеянного и индивидуализацию наказания. Следовательно, исключение какого-либо признака при пересмотре дела может повлечь смягчение назначенного наказания. Отсюда понятно, какое значение имеет для судебной практики правильное понимание квалифицирующих признаков убийства.

Также, юридическая квалификация зависит от того, был ли виновный в последнем убийстве (если говорим о неоднократности), осужден за прежние

убийства. Если не был, то каждое убийство квалифицируется самостоятельно и наказание назначается по правилам о совокупности преступлений [2, с. 87].

Проведенный нами анализ уголовного законодательства Абхазии, показывает, что количество квалифицирующих признаков в абхазском законодательстве не было постоянным. Ст. 146 УК АССР 1925 года предусматривала семь видов квалифицированного убийства:

- а) из корысти, ревности и других низменных побуждений,
- б) лицом, уже отбывшим наказание за умышленное убийство или тяжкое телесное повреждение,
- в) способом опасным для жизни многих лиц, и особо мучительным для убитого,
- г) с целью облегчить или скрыть совершение другого тяжкого преступления,
- д) лицом, на обязанности которого лежала особая забота об убитом,
- е) из засады,
- ж) с использованием беспомощного положения убитого.

Также, в отдельную статью выделялось убийство, совершенное из побуждений кровной мести (ст. 146а) и простое убийство (ст. 147).

Следует отметить, что в ст. 104 УК ГССР 1961 года имелось девять видов квалифицированного убийства. Увеличение их числа по сравнению с УК АССР 1925 года было связано с необходимостью более четкого определения границ квалифицированного убийства. Таким образом, налицо начало преобразования уголовного законодательства Абхазии об ответственности за убийство в сторону совершенствования.

Если говорить об уголовном кодексе РА, принятом после военных действий 1992-1993 г.г., можно отметить следующее: уголовный кодекс Республики Абхазия 2007 года в ч.2 ст. 99 имеет двенадцать пунктов. В отличие от п. «е.1» УК РФ кровная месть в УК РА не выделена отдельно, а входит в состав п. «л» (по мотиву национальной, расовой, религиозной ненависти или вражды либо кровной мести).

В прежних уголовных кодексах расположение квалифицирующих признаков убийства не отвечало какой-либо системе. Но в теории отмечалась необходимость их строгой систематизации. Так, отягчающие обстоятельства обычно относились к определенным элементам состава преступления. Такая градация была использована и Уголовным Кодексом Республики Абхазия 2007г, что свидетельствует о наступлении второго этапа совершенствования, преобразования уголовного законодательства Абхазии об ответственности за убийство.

Мы наблюдаем, что впервые, в ч.2. ст. 99 УК Республики Абхазия 2007 г. квалифицирующие признаки убийства располагаются в строгом порядке в зависимости от их связи с определенными элементами состава преступления: признаки, относящиеся к объекту, в части характеристики потерпевшего (п. «а», «б», «в», «г»); к объективной стороне (п. «д», «е», «ж»); к субъективной стороне (п. «з», «и», «к», «л», «м»). Данное расположение отвечает требованиям системности уголовного законодательства в целом. Следует отметить, что отнесение квалифицирующих признаков к той или иной стороне состава преступления имеет лишь

системообразующее значение, но не дифференцирующее. Также, объект преступления сам по себе не может служить основанием дифференциации, поскольку он один (жизнь). Однако к объекту относятся обстоятельства, характеризующие жертву преступления, которые могут различаться. К объективной стороне убийства относятся не все внешние признаки деяние, а только способ действия. К субъективной стороне относятся квалифицирующие признаки, характеризующие не форму вины (при убийстве, это всегда умысел), а лишь мотивы и цели.

Продолжая анализ системы квалифицирующих признаков в уголовном законодательстве Абхазии, отметим, что расположение квалифицирующих признаков применительно к элементам состава имеет практический смысл, поскольку облегчает поиск соответствующей нормы и, тем самым, активизирует процесс квалификации конкретного убийства, преступления против жизни. Необходимо добавить, что, отнесение квалифицирующего признака к тому или иному элементу состава убийства может быть использовано при решении вопроса о возможности сочетания этого признака с другими или об их состязательности. Выше приведена одна из возможностей сочетания квалифицирующих признаков.

Большинство из признаков ч.2. ст. 99 УК РА имелись и в прежнем законодательстве Республики Абхазия об ответственности за убийство. В основном, редакция некоторых квалифицирующих признаков уточнена, и, также, введено несколько новых обстоятельств в новом УК РА.

Далее рассмотрим п. «л» ч.2. ст. 99 УК РА («убийство по мотиву национальной, расовой, религиозной ненависти или вражды либо кровной мести»). При проведении анализа данного пункта «убийство по мотиву национальной, расовой, религиозной ненависти или вражды либо кровной мести», подробнее остановимся непосредственно на «кровной мести» и на вопросах, связанных с проблемой квалификации.

В п. «л» ч. 2 ст. 99 УК РА объединены дваотягчающих обстоятельства, ранее предусмотренных в ст. 104 УК ГССР 1961 г. В отличие от УК РА, в настоящее время в УК РФ «убийство по мотиву кровной мести» выделено в особый пункт – п. «е.1» (ч.2 ст.105 УК РФ).

При квалификации по признаку национальной, религиозной, расовой ненависти или вражды, необходимо установить соответствующий мотив. Мотив может быть обусловлен ненавистью к потерпевшему, как представителю определенной национальности, расы или религии, либо может служить проявлением шовинистического мировоззрения, ксенофобии или религиозной нетерпимости, когда ненависть или вражда распространяются на лиц всех иных национальностей или всех иноверцев. Повышенная опасность этого вида убийства обусловлена тем, что оно посягает не только на жизнь человека, но и на гарантированное ст. 21 Конституции «равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от его национальной, расовой или религиозной принадлежности». Предложения на тему внесения изменений в УК РА рассмотрен выше, в параграфе 1 настоящей главы.

Остановливаясь на «Убийстве по мотиву кровной мести», необходимо отметить следующее: обычай кровной мести, сохранившейся на территории

Республики Абхазия с давних времен, состоит в том, что в случае убийства или причинения вреда здоровью или оскорбления какого-либо лица, потерпевший либо его родственники обязаны отомстить обидчику, лишив его жизни. Наличие в п. «л» ч. 2. ст. 99 УК РА подобного квалифицирующего признака, свидетельствует о том, что Республика Абхазия признает обычай кровной мести. В данном случае «признавать обычай кровной мести», означает, что совершая убийство, кровник руководствуется именно исполнением кровной мести, независимо от того, насколько высока будет уголовная ответственность для него.

Со своей стороны родственники новой жертвы тоже считают себя обязанными выполнить обычай кровной мести («кровь за кровь»). Этот процесс может длиться долго, приводя к гибели многих людей.

Известно, что там, где закон бессилён, человек использует обратное его природе право расплаты за нанесенную обиду: право по своему разумению наказывать обидчика, что изначально породило кровомщение, провозгласило его личное право и сохранило это у отдельных народов до настоящих дней как необходимость осуществления долга перед убитым родичем или соплеменником [3, с. 153].

Необходимо сказать об определенных отличиях в мотиве между простым убийством и убийством, совершенным при отягчающем обстоятельстве, в данном случае с применением п. «л» ч.2. ст. 99 УК РА., где основное отличие от простого убийства из мести, при убийстве по мотиву кровной мести, заключается в том, что виновный руководствуется не столько чувством личной неприязни к потерпевшему, сколько стремлением соблюсти обычай, дабы не подвергнуть позору себя и свой род. И поэтому, для правильной квалификации убийства по данному пункту, необходимо, в первую очередь, верно установить мотив убийства.

Приведем пример убийства, по мотиву кровной мести, квалифицированный неверно Судебной коллегией по уголовным делам Верховного Суда РА:

«Ахвледиани Р.Б. следствием обвиняется в том, что он примерно в 11 часов в с. Бармыш находился за рулем принадлежащей ему автомашины РАФ 22-03 с пассажирами и, увидев шедшего ему навстречу Мукба Ш.А., который в 1995 г. совершил убийство его отца – Ахвледиани Б.А., с целью умышленного убийства, на почве кровной мести, совершил на него наезд управляемой автомашиной. В результате чего, последний упал. Затем, желая довести свои намерения до конца, подбежал к лежащему на земле Мукба Ш.А. и, выхватив висевший на боку у последнего нож, нанес ему четыре ножевых ранения с область груди, от чего тот скончался на месте» (Из обобщения практики Верховного Суда за 2005 г. уг. дело № 30-1). Своими действиями на почве кровной мести он совершил умышленное убийство, предусмотренное ст. 104 п.8 УК РА (п. «л» ч.2. ст. 99 УК РА).

В данном случае, судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Республики Абхазия переквалифицировала действия Ахвледиани Р.Б. со ст. 104 п.8 УК РА (п. «л» ч.2. ст. 99 УК РА) на ст. 105 УК РА (ч.1.ст. 99 УК Ра 2007 г.) – простое убийство, что не соответствует фактическим обстоятельствам, установленным в материалах уголовного дела. Ахвледиани Р.Б. совершил убийство Мукба Ш.А. на почве кровной мести, отомстив, тем самым, за убийство отца – Ахвледиани Б.А. и

других мотивов убийства нет, что подтверждается показаниями свидетелей Мукба Н.А., Мукба В.А., Айба Л.М., Бения А.К., Мукба-Куруа Н.А. и др.

Из проведенного нами анализа уголовного дела видно, что материалами уголовного дела также установлено, что осужденный Ахвледиани Р.Б. после убийства его отца Мукба Ш.А., затаив злобу, неоднократно высказывал угрозы в адрес последнего и предупредил, чтобы он «на глаза ему не попадался», налицо мотив убийства. Далее из показаний Айба Л.М. видно, что Ахвледиани Р.Б. в день убийства на месте происшествия заявил, что он убил Мукба Ш.А., отомстив ему за убийство отца».

Из наличия собранных доказательств по рассмотренному выше уголовному делу, и исходя из обстоятельств дела, следует сделать вывод, что в данном случае единственным мотивом убийства является кровная месть, что всегда имело место в обычае абхазов.

Ознакомившись с практикой Верховного суда Республики Абхазия по делам об убийствах, квалифицированных по признаку «убийство из кровной мести», следует отметить, что, к сожалению, имеются случаи, когда Верховным Судом Республики Абхазия, дается более мягкая квалификация содеянного виновным (по ч.1 ст. 99 УК РА «простое убийство»). Таким образом, необходимо, чтобы новая уголовно-правовая оценка давалась в полном соответствии с правилами квалификации преступлений по объективным и субъективным признакам и верно определялся мотив убийства.

Если коснуться истории, хотелось бы выделить, что кровная месть прежде рассматривалась как один из наиболее опасных пережитков обычаев древних абхазов. В силу этого делался вывод, что действие нормы о кровной мести, как и других преступлениях, составляющих пережитки местных обычаев, должно ограничиваться местностями, где соответствующие деяния являются пережитками местных обычаев. Так как в действующем УК РА подобных ограничений нет, так как берется во внимание вся территория Республики Абхазия, данная норма распространяется на всю территорию Республики Абхазия. Ни место совершения преступления, ни принадлежность субъекта преступления к коренной национальности значения не имеют. Главное – признает ли виновный обычай кровной мести и действует ли подчиняясь этому обычаю, лежи ли обычай кровной мести в основе мотива убийства.

Из вышеперечисленного можно сделать следующий вывод: п. «л» ч.2. ст.99 УК РА распространяется и действует на всей территории Республики Абхазия. Касаясь непосредственно квалифицирующего обстоятельства «кровная месть», необходимо отметить, что в данном случае речь идет лишь о той национальности, которая признает обычай кровной мести и в своем мотиве убийства руководствуется исключительно исполнением обычая «кровной мести» (смерть за смерть сородича).

Таким образом, изучив и проанализировав историю развития уголовного законодательства Абхазии в части ответственности за убийство, совершенное при отягчающих обстоятельствах, необходимо отметить, что абхазский законодатель

в своей нормотворческой деятельности шел в ногу со временем, а, зачастую, и, опережая российского законодателя, что следует выделить, как фактор, положительно характеризующий уголовное законодательство Абхазии. Если говорить о проблемах, связанных с квалификацией по п. «л» ч.2. ст. 99 УК РА, необходимо, чтобы новая уголовно-правовая оценка давалась в полном соответствии с правилами квалификации преступлений по объективным и субъективным признакам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Рахматулина Н.Г. Убийство по мотиву национальной, расовой, религиозной ненависти или вражды либо кровной мести: вопросы квалификации и индивидуализации наказания. Дис... канд. юрид. наук. Ставрополь. 2005. С. 203.
2. Борзенков Г.Н. Преступления против жизни и здоровья: закон и правоприменительная практика. Изд. «Зерцало». 2009 г. С. 256.
3. Рахматулина Н.Г. Убийство по мотиву национальной, расовой, религиозной ненависти или вражды либо кровной мести: вопросы квалификации и индивидуализации наказания. Дис... канд. юрид. наук. Ставрополь. 2005. С. 203.

Славская Н.В.

КВАЛИФИКАЦИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Потребность в формировании правового государства требует пристального внимания к проблемам, которые являются традиционными для юриспруденции. К таковым относится проблема применения закона. Ведь именно точное и неукоснительное выполнение нормативно-правовых актов является гарантией реализации интересов личности, общества, государства, одним из самых примечательных признаков действительно правового государства. Чрезвычайную остроту проблема обеспечения правильного применения закона приобретает в области уголовного права. Это связано, в частности с масштабными изменениями в уголовном законодательстве России, необходимостью правовой оценки посягательств, которые являются новыми и необычными для правоприменителей, отсутствием должной

теоретической разработки соответствующих вопросов.

Центральной частью процесса применения уголовного закона является квалификация деяния. Применение уголовно-правовых норм, в конце концов, сводится к двум главным действиям: квалификации посягательства и назначению наказания. И если назначению наказания посвящены специальные нормы УК РФ, отдельные постановления Пленума Верховного Суда РФ, разработана обширная учебная и научная база, то квалификация в этом отношении остается темой, обойденной вниманием, как законодателя, так и теоретиков и практиков.

Правила квалификации существуют в основном в виде теоретических положений. Часть из них отражена в руководящих разъяснениях Пленума Верховного Суда РФ по вопросам применения норм об ответственности за отдельные виды преступлений. Ряд положений, касающихся квалификации, существуют в виде неписаных обычных норм, которые бытуют в сфере правоприменения. Однако, как теоретические постулаты, так и практические «обычаи» квалификации не систематизированы, противоречивы, фрагментарны. Целый ряд вопросов долгое время в науке остаются нераскрытыми или дискуссионными, отдельные положения некритично воспринимаются учеными [1]. Приходится констатировать, что теория уголовно-правовой квалификации развивается путем накопления фактического материала при отсутствии его систематизации.

Такое состояние теоретической разработки проблемы отражается и на практике. В условиях отсутствия теоретических разработок и практических руководств, вопросы квалификации решаются на основании интуиции и предыдущего опыта. В настоящее время практика не имеет четких ориентиров для решения вопросов, возникающих в ходе уголовно-правовой квалификации, сам законодатель формулирует нормы без должного учета того, насколько удобными они являются для применения и можно ли однозначно квалифицировать предусмотренные ими посягательства.

Указанные обстоятельства и обуславливают остроту проблем теории уголовно-правовой квалификации, необходимость внедрение результатов теоретических разработок в правоприменительную практику и законодательство.

В процессе квалификации преступлений производится сопоставление и установление тождества не какому-либо научному определению преступления или определению, сложившемуся в судебной практике, а только законодательной модели этого вида преступления. Именно уголовный закон содержит информационную модель преступлений каждого вида или состав преступления [5].

Точность уголовного закона выливается в точность квалификации. Она выражается в двух аспектах – первый касается конкретности уголовно-правовой оценки деяния, второй – обязательности достижения такой точности. При квалификации обязательно должно осуществляться указание на уголовный закон, который предусматривает деяние.

Это предполагает выяснение того, какие уголовно-правовые нормы используются при квалификации и на какие статьи уголовного закона следует ссылаться при этом. Исходя из классификации уголовно-правовых норм, которые подразделяются

на запрещающие, разъясняющие и стимулирующие (поощрительные), отметим, что основанием уголовно-правовой квалификации выступают запрещающие и стимулирующие нормы. Причем запрещающие нормы являются обязательным основанием, поскольку без их использования не обходится ни один случай уголовно-правовой квалификации, а стимулирующие – факультативным. Только после этого определяется, на какие статьи (их структурные подразделения) Общей и Особенной части уголовного закона осуществляется ссылка при квалификации.

Главную роль при уголовно-правовой квалификации играет диспозиция статьи Особенной части УК. Вместе с тем иногда приходится в ходе квалификации обращаться и к санкции статьи Особенной части, что является нетипичной ситуацией. Выделяется, по крайней мере, три случая, когда санкция учитывается при квалификации: вид наказания позволяет определить содержание признаков, указанных в диспозиции статьи; сравнение размеров и видов наказания дает возможность определить нужна ли квалификация содеянного по совокупности; санкция используется при разграничении преступлений [7].

При неясности, противоречивости уголовного закона применяются те его нормы, которые наиболее благоприятны для лица, действия которого поддаются уголовно-правовой оценке. Также нужно помнить и о недопустимости двойного вменения [6].

Частота и повторяемость ошибок в квалификации преступлений на практике связаны именно с недостатками формулировки уголовно-правовых норм. Неясность и противоречивость законодательства практическими юристами ставится на первое место среди проблем квалификации общественно-опасных деяний. Однако здесь нужно помнить и том, что всегда проще объяснить ошибки в правоприменении несовершенством законодательства, чем собственными упущениями – они также имеют объективные основания.

Поэтому одной из главных проблем квалификации является вопрос о качестве уголовного закона, при всей его несомненной значимости, нельзя признать не только хорошо изученным, но даже в полной мере поставленным в отечественной науке. Этот вопрос является стратегическим. Однако специалисты в области уголовного права в большей степени сегодня увлечены, хотя и важными, но все же частными, тактическими вопросами квалификации отдельных уголовно-правовых предписаний.

Нельзя сказать, что уголовно-правовая наука полностью игнорирует исследование вопросов, связанных с определением параметров качества УК РФ. Тем не менее, полагаем, что уголовно-правовой науке еще только предстоит сформировать свое видение основных параметров качества уголовного закона [8].

Для точной квалификации преступления необходимо правильно истолковать характеризующие его признаки, если они не раскрыты в уголовном законе. Для уяснения признаков состава преступления важную роль играет судебное толкование, даваемое высшей судебной инстанцией.

В теории уголовного права ведется много споров относительно юридической природы разъяснений Пленума Верховного Суда РФ по вопросам применения

уголовно-правовых норм и степени обязательности таких разъяснений [2]. Некоторыми авторами высказывается соображение о том, что «толкование уголовного закона Пленумом Верховного Суда РФ de jure не является обязательным, но de facto оно таково» [3]. Вопросу о том, насколько обязательными для судов являются постановления Пленума Верховного Суда РФ, можно было бы не придавать столь принципиального значения, если бы не наличие большого количества постановлений, которые либо противоречат УК, либо не согласованы друг с другом.

Усугубляет ситуацию так же и то, что не по всем спорным вопросам Пленум Верховного Суда РФ дает свое заключение, оформленное в виде постановления. Опубликованные в бюллетенях Верховного Суда РФ решения по конкретным делам, а также обзоры судебной практики в некоторой степени восполняют отсутствие соответствующих разъяснений Пленума Верховного Суда РФ. Они не имеют и не могут иметь обязательной силы при рассмотрении судами сходных или аналогичных дел в силу ч. 1 ст. 1 УК РФ, трактовка которой заставляет признать источником уголовного права лишь уголовный закон, однако играют важную роль для уяснения признаков уголовно-правового запрета. Как утверждает А.В. Наумов, «буква уголовного закона наполняется реальным содержанием только через судебные решения по конкретным делам, и содержание уголовно-правовой нормы состоит из набора известных судебных прецедентов по этим делам». Поэтому казуальное толкование, не являясь обязательным для судов, обычно используется нижестоящими судами как образец при вынесении приговора. Опубликованные решения Верховного Суда РФ существенно корректируют практику применения уголовного закона, существенно влияют на понимание правоприменителем содержания того или иного признака состава преступления [2].

Таким образом, нельзя не согласиться с мнением Кузнецовой Н.Ф. о том, что «содержащиеся в Постановлениях Пленумов Верховного Суда РФ разъяснения по вопросам применения законодательства, основанные на требованиях закона, являются ориентиром, подлежащим обязательному учету в целях вынесения обоснованных приговоров, решений, определений и постановлений» [4]. Игнорирование разъяснений Пленума Верховного Суда при применении федерального законодательства неминуемо приводит к постановлению ошибочных судебных решений. В процессе квалификации нельзя недооценивать и казуального толкования, даваемого судом при рассмотрении конкретного уголовного дела для уяснения признаков, необходимых для квалификации преступления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ветрила Е.В. Об актуальных направлениях исследований в науке уголовно-процессуального права // Государство и право в XXI веке. 2017. № 3. С. 13-15.
2. Кейдунова Е.Р. Основы квалификации преступлений: учеб. пособие. Ростов н/Д.: Изд-во ЮФУ, 2011 .
3. Корнеева А.В. Теоретические основы квалификации преступлений: учебное пособие. М., 2008.
4. Курс уголовного права в пяти томах. Том 1. Общая часть: Учение о преступлении / Под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. М.: Зерцало, 2002.
5. Печников Н.П. Категории преступлений и их уголовно-правовое значение: курс лекций. Тамбов: Изд-во тамб. гос. техн.ун-та, 2007.
6. Поляков С.А. Теория состава преступления: учебник. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2011.
7. Сверчков В.В. Уголовное право. Общая и Особенная части: учебник для бакалавров. - 3-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2013.
8. Сплавская Н.В. К вопросу об эффективности действия российского уголовного законодательства // Государство и право в XXI веке. 2017. № 1. С. 40-44.

АННОТАЦИИ

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Ветрила Е.В.

ПРАВО НА ЗАЩИТУ В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИИ: ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

В статье приводится исторический обзор развития дискуссии об отдельных аспектах права на защиту в уголовном судопроизводстве России и РСФСР. Приводятся точки зрения, аргументации ученых советского периода. Сделан вывод о необходимости обращения к мнению советских ученых в вопросах совершенствования современного российского уголовно-процессуального законодательства по аналогичным вопросам.

Ключевые слова: право на защиту, полномочия защитника, состязательность, защита при противоречивых интересах подзащитных.

Пищулина А.Р.

ОСОБЕННОСТИ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО РЕФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ В 60-Х ГОДАХ XIX ВЕКА ПРИ МИНИСТРЕ НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ГОЛОВИНЕ А.В.

В статье рассматриваются некоторые аспекты законодательного реформирования систем начального, среднего и высшего образования при Головине А.В., занимающего должность министра народного просвещения Российской империи в ключевых масштабных реформах, проходивших в Российской империи в 60-годах XIX века.

Ключевые слова: система образования, Крестьянская реформа 1861 года, Александр II, Головин А.В., Положение о начальных народных училищах, Устав гимназий и прогимназий ведомства Министерства Народного Просвещения, Положение о женских училищах ведомства Министерства Народного Просвещения, Общий устав императорских российских университетов.

Бельская И.В.

К ВОПРОСУ РОЛИ НАРОДОВ КАВКАЗА В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ 1906-1917 ГГ.

В статье рассмотрен национальный вопрос в Государственной думе Российской империи 1906-1917 гг. Обращено внимание на то, что недооценка национального фактора характерна и для нашего времени. Сегодня в России усиливается борьба за выбор дальнейшего пути, за форму организации государства, за режим правления и поэтому обращение к анализу роли народов Кавказа в начале XX-го столетия может дать импульс к поиску оптимального пути развития в современный период.

Ключевые слова: национальный вопрос, российское государство, Дума, депутаты, Кавказ, народ.

ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Титков В.И.

ОНТОЛОГИЯ СУДЕЙСКОГО УСМОТРЕНИЯ

Показано появление судейского усмотрения в России от его первых упоминаний до настоящего времени. Анализируются разные точки зрения на понятие судейского усмотрения в юриспруденции. Представлены аргументированные противоречивые точки зрения на судейское усмотрение. Приведены современные нормы кодексов, содержащие указания о допустимости применения судейского усмотрения. Обоснована возможность и допустимость применения судейского усмотрения в контексте динамичного развития социума.

Ключевые слова: судья, суд, доказательство, дело, внутреннее убеждение.

Кушнарченко И.А., Малараева Ю.М.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ ПРАВА ГРАЖДАН НА ЧЕСТЬ И ДОСТОИНСТВО

В общественном сознании часто отождествляются понятия чести и достоинства. Проведен сравнительно-правовой анализ российской, германской и французской правовых систем применительно к правовым гарантиям на указанные объекты. Выявлено различие категорий чести и достоинства как в рамках классической философской традиции, так и в плане наличия основных признаков прав и свобод человека и гражданина. Обоснована на методологическом уровне невозможность защиты чести граждан правовыми средствами.

Ключевые слова: честь, достоинство, право, долг, деонтология, онтология, статусная группа, симулякр.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

Чесных И.И.

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ОТНОШЕНИЙ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье исследуются перспективы развития отношений Европейского суда по правам человека и российской судебной системы. Рассматриваются проблемы исполнения решений Европейского суда по правам человека в Российской Федерации, а также пути и способы ее решения.

Ключевые слова: суд, решение, жалоба, статистика, принцип, ЕСПЧ (Европейский суд по правам человека).

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

Шоткинов С.А.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ КРИМИНОГЕННОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ СМИ НА ПРЕСТУПНОСТЬ

В статье анализируется одна из сторон взаимодействия средств массовой информации и преступности как массового социально-негативного явления – воздействие СМИ на преступность. Раскрываются важнейшие детерминационные связи электронных, печатных и прочих СМИ с преступностью.

Ключевые слова: детерминация преступности; средства массовой информации; криминогенность СМИ; формирование мотива и мотивации преступного поведения.

Колбая М.Б.

КВАЛИФИЦИРОВАННОЕ УБИЙСТВО ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ АБХАЗИИ (КРОВНАЯ МЕСТЬ)

В статье рассмотрены особенности развития квалифицирующих признаков убийства в уголовном законодательстве Абхазии и выявлены основные проблемы их квалификации, а также проанализировано понятие «кровная месть» как квалифицирующий признак в уголовном праве.

Ключевые слова: квалифицированное убийство, уголовное законодательство, кровная месть, жизнь, здоровье, отягчающее обстоятельство.

Славская Н.В.

КВАЛИФИКАЦИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

В статье обращено внимание на существующие в теории уголовного права и правоприменительной практике проблемы квалификации преступлений, вызванные неоднозначностью толкования уголовного закона и Постановлений Пленума Верховного Суда РФ. Также обозначены позиции по выработке единого подхода к вопросу квалификации преступлений.

Ключевые слова: квалификация преступлений, уголовный закон, правоприменение, уголовный закон, УК РФ.

SUMMARY

HISTORY OF STATE AND LAW

Vetrila E.V.

THE RIGHT TO DEFENSE IN THE CRIMINAL PROCEDURE LEGISLATION OF RUSSIA: HISTORICAL SKETCH

The article provides a historical review on the development of the discussion about specific aspects of the right to defense in criminal proceedings of Russia and the RSFSR. It gives points of view, reasoning of the scientists of the Soviet period. The author draws the conclusion about the need to appeal to the opinion of the Soviet scientists in the development of modern Russian criminal procedural legislation on similar issues.

Keywords: right to defense, the defender's powers, contentiousness, protection of the contradictory interests of clients.

Pishchulina A.R.

**PECULIARITIES OF LEGISLATIVE REFORMING
OF THE EDUCATIONAL SYSTEM IN THE 60S OF THE XIX
CENTURY UNDER THE MINISTER OF THE PEOPLE'S
EDUCATION OF THE RUSSIAN EMPIRE GOLOVIN A.V.**

The article deals with some aspects of legislative reform of primary, secondary and higher education systems under Golovin A.V., who held the post of Minister of Education of the Russian Empire in the view of large-scale reforms which took place in the Russian Empire in the 60s of the XIX century.

Keywords: education system, Krestyanskaya Reform (Emancipation Reform) of 1961, Alexander II, Golovin A.V., Regulations on primary public schools, Charters of gymnasiums and progymnasium departments of the Ministry of National Education, Regulations on Women's Schools of the Ministry of National Education, General Charter of Imperial Russian Universities.

Belskaya I.V.

**ON THE ISSUE OF THE ROLE OF THE PEOPLES
OF THE CAUCASUS IN THE STATE DUMA IN 1906-1917**

The article deals with the national question in the State Duma of the Russian Empire of 1906-1917. It draws attention to the fact that underestimation of the national factor is characteristic for our time. Today, Russia is intensifying its struggle for choosing the way forward, for the form of organization of the state, for the regime of government, and therefore turning to an analysis of the role of the peoples of the Caucasus at the beginning of the 20th century can give a push to the search for an optimal development path in the modern period.

Keywords: the national question, the Russian state, the Duma, the deputies, the Caucasus, the people.

THEORY OF STATE AND LAW

Titkov V.I.

THE ONTOLOGY OF JUDICIAL DISCRETION

The article shows the appearance of judicial discretion in Russia from its first mentioning to the present time. It analyses different points of view on the concept of judicial discretion in jurisprudence and presents controversial points of view on judging discretion. The modern norms of codes are given, containing instructions about the admissibility of the application of judicial discretion. It substantiates the possibility and admissibility of the application of judicial discretion in the context of the dynamic development of society.

Keywords: judge, court, evidence, case, inner persuasion

Kushnarenko I.A., Malaraeva Y.M.

METHODOLOGICAL APPROACHES TO THE STUDY OF CITIZENS' RIGHT TO HONOR AND DIGNITY

In the public consciousness, the concepts of honor and dignity are often equated. A comparative legal analysis of the Russian, German and French legal systems has been carried out in relation to legal guarantees for these objects. The distinction between the categories of honor and dignity is revealed both within the framework of the classical philosophical tradition and in terms of the presence of the main features of the rights and freedoms of man and citizen. The impossibility of protecting the honor of citizens by legal means is substantiated at the methodological level.

Keywords: honor, dignity, right, duty, deontology, ontology, status group, a simulacrum.

INTERNATIONAL LAW

Chesnykh I.I.

PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF RELATIONS BETWEEN THE EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS AND THE RUSSIAN FEDERATION

The article explores the prospects for the development of relations between the European Court of Human Rights and the Russian judicial system. The problems of execution of the decisions of the European Court of Human Rights in the Russian Federation, as well as ways and means of solving it, are considered.

Keywords: court, decision, a complaint, statistics, principle, European Court of Human Rights.

CRIMINAL LAW

Shotkinov S.A.

SOME ASPECTS OF CRIMINOGENIC IMPACT OF THE MEDIA ON CRIME

The article deals with one of the parties of the interaction between mass media and crime as a mass socio-negative phenomenon-the impact of MEDIA on crime. It discloses major determination connection of electronic, print and other MEDIA with the crime.

Keywords: determination of crime; the media; criminality of media; formation of motive and motivation of criminal behaviour.

Kolbaya M.B.

QUALIFIED MURDER IN THE LEGISLATION OF ABKHAZIA (VENDETTA)

The article considers the features of the development of categorizing elements of murder in the criminal legislation of Abkhazia and signifies the main problems of their categorization, and also analyzes the notion of «vendetta» as a categorizing element in criminal law.

Keywords: qualified murder, criminal law, vendetta, life, health, aggravating circumstance.

Splavskaya N.V.

QUALIFICATION OF CRIMES: PROBLEMS OF THEORY AND PRACTICE

The article draws attention to the problems of qualification of crimes existing in the theory of criminal law and law enforcement practice caused by ambiguous interpretation of the criminal law and Decisions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation. It also defines the positions on development of the unified approach to a question of qualification of crimes.

Keywords: qualification of crimes, criminal law, law enforcement, criminal law, the Criminal Code of the Russian Federation.

ОБ АВТОРАХ

Ветрила Елена Валерьевна - кандидат юридических наук, доцент, Международный инновационный университет (г. Сочи), e-mail: belkova_07@mail.ru

Пищулина Александра Романовна - преподаватель, Международный инновационный университет (г. Сочи), e-mail: alexandra@sochi.com

Бельская Инна Владимировна - кандидат исторических наук, доцент, Международный инновационный университет (г. Сочи), e-mail: fondro@mail.ru

Титков Владимир Иванович - кандидат юридических наук, доцент, Московский инновационный университет (г. Москва), e-mail: j-kitova@yandex.ru

Кушнаренок Игорь Анатольевич - доктор философских наук, профессор, Московский университет МВД России (г. Москва), e-mail: kushnarenko_igor@list.ru

Малараева Юлия Максимовна - кандидат юридических наук, Московский инновационный университет (г. Москва), e-mail: malaraeva@inbox.ru

Чесных Игорь Иванович - аспирант, Международный инновационный университет (г. Сочи), e-mail: fondro@mail.ru

Шоткинов Сергей Алексеевич - кандидат юридических наук, доцент, Московский инновационный университет (г. Москва), e-mail: Shotkinov@rambler.ru

Колбая Мадина Беслановна - кандидат юридических наук, доцент, Международный инновационный университет (г. Сочи), e-mail: madina.kolbaya@gmail.com

Сплавская Наталья Владимировна - кандидат юридических наук, доцент, Международный инновационный университет (г. Сочи), e-mail: fondro@mail.ru

OUR AUTHORS

Vetrila Elena Valerievna - Candidate of Law Sciences, Associate Professor, International Innovative University (Sochi), e-mail: belkova_07@mail.ru

Pishchulina Alexandra Romanovna - Teacher, International Innovative University (Sochi), e-mail: alexandra@sochi.com

Belskaya Inna Vladimirovna - Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, International Innovative University (Sochi), e-mail: fondro@mail.ru

Titkov Vladimir Ivanovich - Candidate of Law Sciences, Associate Professor, Moscow Innovative University (Moscow), e-mail: j-kitova@yandex.ru

Kushnarenko Igor Anatolevich - Doctor of Philosophy, Professor, Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Moscow), e-mail: kushnarenko_igor@list.ru

Malaraeva Yulia Maksimovna - Candidate of Law Sciences, Moscow Innovative University (Moscow), e-mail: malaraeva@inbox.ru

Chesnykh Igor Ivanovich - Post-graduate student, International Innovative University (Sochi), e-mail: fondro@mail.ru

Shotkinov Sergei Alekseevich - Candidate of Law Sciences, Associate Professor, Moscow Innovative University (Moscow), e-mail: Shotkinov@rambler.ru

Kolbaya Madina Beslanovnaa - Candidate of Law Sciences, Associate Professor, International Innovative University (Sochi), e-mail: madina.kolbaya@gmail.com

Splavskaya Natalia Vladimirovna - Candidate of Law Sciences, Associate Professor, International Innovative University (Sochi), e-mail: fondro@mail.ru

Условия публикации для авторов научно-практического журнала "Государство и право в современном мире"

Для публикации оригинальной статьи авторы должны соблюдать следующие требования подачи материалов в редакцию:

1. Статья, информация об авторе (авторах), подписанный автором (авторами) лицензионный договор в двух экземплярах, копия квитанции об оплате должны быть представлены лично или присланы по почте заказным письмом на почтовый адрес редакции. Статья подписывается автором на каждой странице. В конце статьи подпись автора заверяется печатью отдела кадров. Статья предоставляется также в электронном виде по адресу: nauka@unp.io.ru

2. Аннотация, отражающая основное содержание статьи должна быть изложена на русском и английском языках, содержать не более 200 слов (5-8 строк) и быть структурированной.

3. Ключевые слова должны быть на русском и английском языках (5-7 слов).

4. Статья представляется в виде файла, подготовленного в редакторе MS Word, размер шрифта - 11 п, гарнитура шрифта - Times New Roman, междустрочный интервал - одинарный.

5. Поля: левое - 3,2, правое - 3,2, нижнее - 4, верхнее - 4 см.

6. Объем статьи (включая библиографию) от 5 до 8 страниц машинописного текста. В объем статьи не включаются аннотация и ключевые слова.

7. Информация об авторе (авторах) на русском и английском языках должна быть представлена на отдельном листе (и в электронном варианте) в следующем виде: 1) фамилия, имя и отчество полностью; 2) ученая степень; 3) ученое звание; 4) должность; 5) место работы; 6) место учебы или соискательства; 7) для докторантов и аспирантов - название научной специальности;

8) домашний адрес; 9) контактные телефоны; 10) адрес электронной почты. Коллективная статья должна иметь подписи всех авторов.

8. Для аспирантов - справка о том, что автор статьи является аспирантом, заверенная печатью образовательного учреждения.

9. Рецензия доктора наук (для лиц без ученой степени и кандидатов наук) должна быть заверена личной подписью рецензента и печатью отдела.

10. Ссылки на литературные или иные источники по тексту оформляются числами, заключенными в квадратные скобки (например, [1]). На все цитаты должны быть ссылки. Ссылки должны быть последовательно пронумерованы. Библиографические ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Автор статьи несет полную ответственность за точное воспроизведение цитирования, за точность данных, приведенных в списке литературы. Оформление ссылок регламентировано ГОСТ Р 7.0.5.-2008.

11. Библиографический список в алфавитном порядке, озаглавленный «Литература», приводится в конце статьи и входит в общий объем. Описание источников, включенных в список, выполняется в соответствии с существующими библиографическими правилами, Государственным стандартом (ГОСТ 7.1-2003) «Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и практика составления». При оформлении списка литературы обязательно указываются следующие данные:

- для книг - фамилия и инициалы автора, полное название книги, место издания, издательство, год издания, том или выпуск и общее количество страниц;

- для статей в периодических изданиях - фамилия и инициалы автора, название статьи, полное название журнала (сборника), год издания (для сборника - также место издания и издательство, том, номер (выпуск), первая и последняя страницы статьи;

- для статей в неперидических изданиях (книгах) - фамилия и инициалы автора, название статьи, полное название книги (сборника), место издания, издательство, год издания, первая и последняя страницы статьи;

- для тезисов и текстов докладов на конференциях (семинарах, симпозиумах) - фамилия и инициалы автора, название доклада, полное название сборника тезисов или трудов конференции, дата и место проведения конференции, том, номер (выпуск), первая и последняя страницы тезисов или текста доклада;

- для препринтов - фамилия и инициалы автора, название работы, место (город), год издания, количество страниц (номер препринта/название научного учреждения или учебного заведения);

- для патентов и авторских свидетельств - вид патентного документа, его номер, название страны, выдавшей документ, индекс МКИ, название изобретения, автор(ы), дата подачи заявки, дата публикации и сведения об официальном издании, где опубликованы сведения о патентном документе, сведения о приоритете;

- для депонированных рукописей - фамилия и инициалы автора, полное название рукописи, наименование организации, год издания, общее количество страниц, место депонирования;

- для диссертаций - фамилия и инициалы автора, полное название, шифр специальности, дата защиты и утверждения, место защиты.

Примеры библиографических записей:

1. Гиндин, И.Ф. Требования дворянства и финансов-экономическая политика царского правительства в 1880-1890-х годах [Текст] / И.Ф. Гиндин, М.Я. Гефтер // Исторические заметки. - 1957. - № 4. - С. 34-64.

12. В тексте статьи все сокращения используются только после упоминания полного термина. Должны использоваться только стандартные сокращения (аббревиатуры). При использовании терминов следует, как правило, придерживаться соответствующей международной номенклатуры.

13. Оригиналы статей автору не возвращаются. Редакция оставляет за собой право отклонения статей, не соответствующих настоящим требованиям. В случае отклонения статьи автору направляется соответствующее уведомление.

Редакция просит обратить особое внимание на необходимость строгого следования приведенным образцам. Статью необходимо отправить по электронному адресу nauka@unp.io.ru и по почте: 119017, г. Москва, ул. Малая Ордынка, д. 7. Научно-практический журнал "Государство и право в современном мире".

Основные тематические рубрики журнала

- История государства и права;
- Теория государства и права;
- Международное право;
- Конституционное право;
- Гражданское право;
- Уголовное право;
- Трудовое право;
- Право социального обеспечения;
- Семейное право;
- Научная жизнь.

Main topical rubrics of the journal

- History of State and Law;
- Theory of State and Law;
- International Law;
- Constitutional Law;
- Civil Law;
- Criminal Law;
- Employment Law;
- Social Security Law;
- Family Law;
- Scientific Life.

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ
научно-практический журнал

РЕДКОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА:

ДРУЖИНИНА А.В., кандидат юридических наук (главный редактор);
ГАЛУЗО В.Н., кандидат юридических наук;
КАГОСЯН А.С., доктор педагогических наук;
МАЙОРОВ В.И., доктор юридических наук;
ГУЩИН В. В., доктор юридических наук;
СПЛАВСКАЯ Н.В., кандидат юридических наук;
ВЕТРИЛА Е.В., кандидат юридических наук;
МИРОШНИЧЕНКО Н. В., доктор юридических наук.

EDITORIAL BOARD:

DRUZHININA A.V., Candidate of Legal Sciences (Editor-in-Chief);
GALUZO V.N., Candidate of Legal Sciences;
KAGOSYAN A.S., Doctor of Pedagogical Sciences;
MAYOROV V.I., Doctor of Legal Sciences;
GUSHCHIN V.V., Doctor of Legal Sciences;;
SPLAVSKAYA N.V., Candidate of Legal Sciences;
VETRILA E.V., Candidate of Legal Sciences;
MIROSHNICHENKO N.V., Doctor of Legal Sciences.